

ВОЕННЫЕ 1918
МЕМОУАРЫ 1920

Генерал-лейтенант
П.Н. Врангель

ВОСПОМИНАНИЯ

Военные мемуары (Вече)

Петр Врангель

Воспоминания

«ВЕЧЕ»

1929

Врангель П. Н.

Воспоминания / П. Н. Врангель — «ВЕЧЕ»,
1929 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4444-8813-3

Барон Петр Николаевич Врангель до сих пор является одной из самых загадочных фигур Российской смуты 1917–1920 гг. Ключ к познанию этой личности лежит в его «Воспоминаниях». В настоящее издание вошли воспоминания генерал-лейтенанта о Гражданской войне в России. На страницах книги вы узнаете о боях и переживаниях последнего Главнокомандующего Русской армии, о его трудных и порой противоречивых отношениях с современниками, о драматических событиях вынужденного исхода Русской армии за рубеж. Воспоминания Врангеля настолько полны и всеобъемлющи, что ими до настоящего момента пользуются все создатели его биографий, в разной степени пересказывая или интерпретируя текст. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся историей Гражданской войны.

ISBN 978-5-4444-8813-3

© Врангель П. Н., 1929
© ВЕЧЕ, 1929

Содержание

Неразгаданный герой	6
Глава I. Освобождение Северного Кавказа	8
На Кубани	8
В ногайских степях	26
Освобождение Терека	38
Глава II. На Москву	50
На Дону	50
В Задонских степях	58
В Поволжье	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Петр Николаевич Врангель

Воспоминания

© ООО «Издательство „Вече“», 2012

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Неразгаданный герой О воспоминаниях барона П.Н. Врангеля

Историки, считающие себя знатоками вопроса, снисходительно цедят сквозь зубы: «неполные воспоминания», обыватель отворачивается, бегло просмотрев содержание, – слишком много сухих подробностей минувших сражений: полузабытая Гражданская война. Врангель – личность неоднозначная и, спустя годы советской пропаганды, тесно связанная с давней борьбой помещиков против рабочих и крестьян. Между тем барон Петр Николаевич Врангель до сих пор так и не познан обществом, не объяснен в достаточной мере историками. Хотя ключ к познанию этой личности, на мой взгляд, лежит в его «Воспоминаниях». В это хочется верить, позабыв про десятки умных слов и комментариев на его счет бесчисленных заседателей блогосферы. Увы, почти все они, как и среда, породившая явление «блогеров», – суть продукта электронного мира, в котором нет сакральной силы документов и книг, и многое весьма упрощено, хотя еще больше – не познано, ибо не дошло до умов с ветхих страниц книг в мерцающие многозначительностью всезнания авторские странички сайтов.

Увы, эпоха нынешнего дилетантизма присуща в равной степени – сайтам «историков» и академистам от науки, что дает о себе знать в качестве публикаций, «ленивом и малолунобзнительном» подходе к тому, что вроде бы «давно известно».

Барону Врангелю не повезло и по части его официальных биографов. В последние годы за него «брались» столь разные люди, что собственные «Записки» оказались невольным противовесом зародившейся в последние годы литературе домыслов.

Между тем все гораздо шире и гораздо сложнее, чем можно подумать, читая книги «про Врангеля».

Воспоминания барона были впервые опубликованы в №№ 5–6 альманаха «Белое дело», последовательно выходившего в Берлине начиная с 1926 года при деятельном участии генерал-майора А.А. фон Лампе. Причин для публикации текста было более чем достаточно: поддержать боевой дух чинов РОВС, придать каноническую форму биографии его создателя и вдохновителя – последнего Главнокомандующего. Кроме этого, отметить в истории в наиболее выигрышном свете. Ни о чем личном речи идти не могло: время опубликования воспоминаний не предполагало сантиментов, и «железным наркомам» сталинского СССР должен был быть противопоставлен «железный рыцарь» Белого дела. В целом с задачей справились. Редакционная коллегия альманаха – титулованные дворяне германского происхождения – Светлейший князь Ливен, герцог Лейхтенбергский, да и сам Алексей Александрович фон Лампе создали удачный исторический документ, добавивший политического веса Врангелю.

Все это должно лечь в основу работы современных и будущих историков военной эмиграции, изучаться на более глубоком уровне, нежели путем сопоставления публикаций современников, и в конечном итоге, реализоваться в виде отдельного исследования. Сами же воспоминания Врангеля хороши лишь как некая отправная точка, от которой будет отталкиваться исследователь.

Воспоминания Врангеля, до настоящего момента пользовались и пользуются все создатели его биографий, в разной степени пересказывая или интерпретируя текст. Это, по мнению современной исторической критики, во-первых, не приближает их произведения к степени увлекательности, и, во-вторых, они не создают ничего принципиально нового в жанре биографий замечательных людей эпохи. Что же, повторим снова: неудачи интерпретаторов не умаляют достоинства авторского текста, а они, без сомнения, имеются. Повествование связно, фабула ясна, хроника боевых действий не утомляет читателя излишними

подробностями и специальной терминологией. Этого вполне достаточно любому образованному человеку, чтобы, ознакомившись с текстом, выделить и оценить те или иные его стороны.

Что бы ни говорили о Врангеле, как бы ни характеризовали его пока еще не до конца разгаданную нами личность, одно остается несомненным. Перед нами – неразгаданный герой, которого хотя и не отделяет от нас толща веков, но про которого с уверенностью можно сказать, что даже часть его жизни, нашедшая отражение на пятистах страницах канонического текста, ясна нам до мельчайших деталей.

И для разгадки этой тайны энтузиастам придется вновь и вновь возвращаться к «Запискам», по крайней мере, в течение еще ряда лет, а публикаторам продолжать свое благородное дело переизданий, ибо тиражировать «документ эпохи» не только полезно, но и благородно.

За этот труд их еще многократно поблагодарят потомки: ведь дело разгадки «белых пятен» в жизни барона Врангеля мы оставляем именно им.

Андрей Кравцов, 2012

Глава I. Освобождение Северного Кавказа

На Кубани

Мы вышли на пароходе Русского Общества «Король Альберт», чрезвычайно переполненном. С занятием добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссийска на Северный Кавказ и в Черноморскую область спешило вернуться большое количество ранее бежавших от красного ига. В числе пассажиров было и несколько немцев, в том числе немецкий профессор с ассистентом, объезжавший по поручению военно-санитарного ведомства оккупационные немецкие войска на юге России. Мы с ним познакомились, и это знакомство оказалось нам полезным. Немецкое командование, не запрещая официально проезд на Дон и Кавказ стремившимся в армию добровольцам, исподволь чинило едущим всевозможные препятствия. В Керчи производился детальный осмотр документов пассажиров и все казавшиеся немецкой комендатуре «подозрительными» задерживались. Наше знакомство с немецким профессором избавило нас от осмотра. В Керчи мы простояли несколько часов и, воспользовавшись остановкой, сходили на берег. По словам жителей, значительное количество бежавших из Новороссийска комиссаров при попустительстве немцев нашли убежище в Керчи и отсюда беспрепятственно выезжали на север.

Ростов мы нашли переполненным и очень оживленным. Как Киев для Украины, так и Ростов для Юга России стали временно столицами. Жизнь кипела ключом, общий порядок в городе ничем не отличался от дореволюционного, даже железнодорожные жандармы были те же, и лишь присутствие на вокзале немецкой комендатуры и изредка мелькавшая на улицах немецкая форма напоминали действительность.

Проведя в городе три дня и сделав необходимые покупки, мы выехали в Екатеринодар.

В отличие от Киева и Ростова Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали исключительно военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил многих знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-й кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала, и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше – большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова¹, штаб командующего армией генерала Деникина с многочис-

¹ Предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся, и генералу Драгомирову по приезде в Екатеринодар была предложена эта должность.

ленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией², ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевав сопротивление во много раз сильнее противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья, работали пластуны генерала Геймана; 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1-я конная дивизия; 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизанов полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2-й пехотной дивизии, действовала 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. В резерве Главнокомандующего находилась 1-я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный – частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков – кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по Академии Генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения Ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и техни-

² Армия состояла из: 1-й пехотной дивизии (генерал Казанович), 2-й пехотной (генерал Боровский), 3-й пехотной (полковник Дроздовский), 1-й конной (генерал Эрдели), 1-й Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2-й Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной Кубанской казачьей бригады (полковник Шкуро) и Пластунской бригады (генерал Гейман).

чески, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова. Он откровенно признался мне, что весьма тяготеет чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь ввиду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными, с значительной проседью усами, грубоватым, низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западного фронта он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа, и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

– Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

– Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

– Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, – сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, – он вам все расскажет.

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1-й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию, и его отсутствие могло продолжиться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии генерал Афросимов оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение, и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной.

Я задал генералу Романовскому несколько вопросов об общем нашем стратегическом положении, задачах, поставленных дивизии, ее составе и т. д. Со своей стороны, генерал Романовский спросил меня о том, где находился я последнее время, по оставлении рядов армии, интересовался положением в Крыму, Украине, Белоруссии. Мой собеседник произвел на меня впечатление прекрасно осведомленного и очень неглупого. Приятное впечатление несколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избегать взгляда собеседника. При наших последующих частых встречах эта особенность всегда корбила меня. От генерала Романовского я прошел в отдел генерал-квартирмейстера, где познакомился с исполняющим эту должность полковником Сальниковым. Последний, совсем молодой офицер, держал себя с необыкновенной самоуверенностью и в то же время оказался не в

состоянии ответить мне на ряд вопросов, имеющих прямое отношение к кругу его деятельности.

Известие о моем назначении вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров штаба. В Ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно «первопоходников», наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии. Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников.

На другой день, 29 августа, я выехал по Владикавказской железной дороге на присоединение к дивизии, оперировавшей в Майкопском отделе.

Высидевшись на станции Кавказская и переночевав в расположенном в станице обозе офицерского конного полка, входившего в состав дивизии полковника Дроздовского, я утром выехал в станицу Темиргоевскую, где находился штаб моей дивизии. Стоял прекрасный осенний день. По сторонам дороги тянулись недавно убранные поля, бесконечные бахчи с зелеными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди – все говорило о богатстве края. Наш возница, старый казак, всю дорогу рассказывал нам о том, как ограбили его станицу большевики, как расстреляли стариков и как рады теперь казаки освобождению. Не доезжая станицы Темиргоевской, в небольшом хуторе Зеленчуковском, мы увидели группу казаков и лошадей. Оказалось, что это конвой командующего дивизией генерала Афросимова. Генерал Афросимов с командиром 1-й бригады полковником Науменко и старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым пили в хате чай. Моего приезда никто не ждал. Телеграмма о моем назначении и выезде запоздала. Отправив свои вещи с ординарцем в станицу Темиргоевскую, я остался на хуторе, решив вместе с генералом Афросимовым проехать на левый фланг дивизии, куда он направлялся. Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдаль лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с фронта 1-й бригадой и обойденные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1-й Екатеринодарский казачий полк. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую, и, наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном полковником Баумгартеном засел знакомиться с делами.

1-я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов; 1-го Уманского и 1-го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1-го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1-го Линейного из казаков-лабинцев и 2-го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входили 1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах были запрятаны казаками, и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части в большинстве случаев вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из под-

ручного материала. Бесперывные походы и бои, постоянно менявшийся состав частей, с одной стороны, вследствие значительной убыли, с другой – благодаря притоку новых людей из освобожденных станиц, сборный, часто чисто случайный состав офицеров делали почти невозможным правильное обучение и планомерную подготовку войск. Казаки каждый в отдельности дрались хорошо, но общее обучение и руководство хромали.

По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевозочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы заставляли мириться с этим порядком вещей.

По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12–15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20–30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько броневых автомобилей, достаточные средства связи... Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо.

Общая обстановка к тому времени слагалась следующим образом: правее нас, в Майкопском отделе, действовала 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского из второочередных, одноименных с моими, полков. Связь с нею мы поддерживали лишь дальними разъездами. Левее нас, вдоль линии железной дороги Кавказская – Армавир, действовала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, имея на правом фланге офицерский конный полк, разъезды которого связывались с нами. 1-я конная дивизия располагалась Черкесским и Линейным полками на левом берегу реки Лабы, прочими четырьмя полками – на правом. Дивизии ставилась задача разбить находящегося против нее противника и отбросить его за реку Уруп.

Поздно ночью было получено донесение о занятии станицы Петропавловской нашими частями. Противник отошел на 10 верст южнее, к станице Михайловской, перед которой и окопался. Наутро я проехал в станицу Петропавловскую, при въезде в которую был встречен крестным ходом. Станичный сбор поднес мне хлеб-соль и вынес постановление о выборе меня почетным стариком станицы. Через несколько дней станичный сбор подвел мне коня, отличных форм кабардинца, поседланного казачьим седлом.

Занятая красными позиция с левого фланга прикрывалась многоводным руслом реки Лабы, на левом берегу которой противником удерживался небольшой плацдарм, обеспечивающий мостовую переправу близ аула Кош-Хабль. К северу от станицы Михайловской позиция проходила по ряду холмов, прикрытая частью с фронта заросшим камышом и болотистой балкой «Глубокой», вдоль которой она тянулась на восток верст на 10–12 параллельно Армавир-Туапсинской железной дороге. Отсутствие удобных подступов при подавляющей численности и огневом превосходстве противника, в связи с почти полным отсутствием у нас патронов, дали возможность красным остановить наше продвижение. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали нас, неизменно останавливая все попытки наши продвинуться вперед. Для дивизии наступили тяжелые дни. В течение трех недель мы непрерывно вели бой, нащупывая уязвимый участок неприятельского фронта. Отчаявшись овладеть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточив главную массу сил на своем левом фланге, пытался нанести противнику удар, охватывая его с востока.

Мне удалось, сбивши красных, бросить бригаду в тыл станице Михайловской и достигнуть Армавир-Туапсинской железной дороги у станции Андрей-Дмитриевка. Однако присутствие моей конницы в ближайшем тылу все же не побудило противника к отходу, и красные лишь загнули свой фланг, а затем с помощью бронепоезда и двух броневиков, подтянув силы, перешли в наступление, заставив казаков вернуться в исходное положение.

Из Ставки я ежедневно получал телеграммы, требующие от меня «решительных действий», настаивающие на наступлении «минуя все препятствия». В то же время, несмотря на все просьбы мои о высылке огнеприпасов, Ставка таковых прислать не могла. Отчаявшись овладеть позицией противника правильным наступлением, я, учитывая слабые боевые качества врага, решил сделать попытку прорвать фронт красных внезапным конным ударом. Лично произведя рекогносцировку, я с наступлением темноты провел два полка вброд через протекавший перед фронтом врага болотистый ручей, противником почти не наблюдаемый, и на рассвете бросил их в конную атаку. Полки пронеслись сквозь линию врага и дошли до самой станицы, но здесь с окраины были встречены убийственным пулеметным огнем и, понеся тяжкие потери, должны были вернуться назад. Убитые и раненые были все до одного вывезены.

Правее нас дивизия генерала Покровского, овладев Майкопом, удачно продвигалась к реке Лабе. Левее части полковника Дроздовского вели упорные бои, продвигаясь к Армавиру.

Все это время я старался возможно ближе стать к своим частям, ежедневно объезжая позиции, беседуя с офицерами и казаками.

Ближайший мой помощник, начальник штаба полковник Баумгартен, способный и дельный офицер Генерального штаба, неустанно помогал мне в моей работе. Из двух командиров бригад я имел прекрасного помощника в лице командира 1-й бригады генерального штаба полковника Науменко, храброго и способного офицера. Зато другой командир бригады, престарелый генерал Афросимов, оказался совершенно неспособным. Я вынужден был вскоре отрешить его от должности. В командование бригадой вступил только что вернувшийся после ранения командир Запорожского полка, доблестный полковник Топорков.

Начальником артиллерии был генерал Беляев, прекрасной души человек, храбрый и добросовестный офицер. Командиры полков были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась их неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый раз после дела собирал офицеров, разбирая операции, указывал на те или иные ошибки. Принял целый ряд мер по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты. С превеликим трудом раздобыл в штабе армии несколько телефонных аппаратов и, захватив при одной из рекогносцировок запас телефонной проволоки, соединил штаб дивизии с начальниками боевых участков. Удалось получить в штабе армии и один автомобиль, что давало мне возможность почти ежедневно объезжать все полки. Жена моя достала в Екатеринодаре запас медикаментов и перевязочных средств, привезла их в дивизию и наладила работу летучки.

17 сентября, выехав на позицию, я встретил казака с донесением. Наши левофланговые разъезды доносили о движении нам в тыл колонны пехоты. По направлению это не мог быть противник, о приходе же на мой участок каких-либо новых наших частей мне ничего известно не было. Я решил проехать лично, чтобы убедиться в обстановке. Вскоре я встретил разъезд 2-го конного полка, от которого узнал, что это подходит дивизия полковника Дроздовского. Проехав еще, я встретил расположившийся на привале авангард дивизии, при нем находился и сам полковник Дроздовский со своим начальником штаба полковником Чайковским, которого я знал еще по Германской войне, в начале которой он исполнял должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Оказалось, что полковник Дроздовский получил из Ставки приказание, оставив заслон в районе Армавира, атако-

вать Михайловскую группу красных с тыла. Двинувшись ночным маршем, колонна сбилась с пути и вышла в тыл моим левофланговым частям. О задаче, поставленной моему соседнему отряду, я предупрежден не был, и прибытие частей дивизии полковника Дроздовского было для меня полной неожиданностью.

Обсудив положение, мы наметили с полковником Дроздовским общий план действий: 3-я пехотная дивизия должна была сменить мои полки на правом берегу Лабы и на рассвете 18 сентября атаковать противника с фронта. Одновременно я с дивизией и офицерским конным полком должен был выйти в тыл противника в районе станицы Курганной и перехватить пути отхода между реками Чамлыком и Лабой. Сосредоточив свои части, я до наступления рассвета двинулся в охват правого фланга позиции противника и, едва стало светать, подошел своими передовыми частями к линии Армавир-Туапсинской железной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская – Константиновская. Я шел с авангардом. Дозоры подходили к переезду, когда в предрассветной мгле блеснул огонь прожектора – подходил бронепоезд противника. Доблестный командир батареи полковник Романовский, снявшись с передков, открыл по бронепоезду беглый огонь. Орудия открыли огонь на расстоянии ружейного выстрела, однако, несмотря на удачные попадания (на месте нахождения бронепоезда остались целый ряд вагонных обломков и большие куски стальной брони), бронепоезд, дав задний ход, быстро скрылся. Мы перешли полотно железной дороги, взорвав путь в нескольких местах. Со стороны Михайловской слышалась сильная орудийная и ружейная стрельба – то вели наступление части полковника Дроздовского. Один из наших боковых отрядов захватил большевистский обоз до тридцати повозок, груженных овсом и хлебом. Со стороны Михайловской обнаружилось наступление цепей противника; одновременно со стороны станицы Курганной в охват нашего левого фланга показалось около полка конницы. Вскоре бой шел на всем фронте дивизии. Мы остановили наступление противника, но продвинуться вперед нам не удалось. Я сообщил начальнику 3-й дивизии о том, что мне удалось выполнить поставленную моей дивизии задачу, и с нетерпением ждал от него донесения. Около полудня огонь на фронте 3-й дивизии стал как будто стихать. Со стороны Михайловской показались новые густые цепи красных. Я находился на наблюдательном пункте, откуда прекрасно было видно наступление противника. Наши части медленно отходили. Я приказал артиллерии усилить огонь. Лежавший рядом со мной полковник Романовский взял трубку телефона, чтобы передать приказание, и вдруг ткнулся ничком, громко хрипя, – ружейная пуля пробила ему голову. Он прожил еще три дня и скончался в Екатеринодаре, куда был отвезен. Это был на редкость доблестный и талантливый офицер.

Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чамлык В резерве у меня были четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, трудно проходимый Чамлык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание частям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Редко мне за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать под таким огнем. Упал раненый мой значковый казак, у моего офицера-орди-

нарца была убита лошадь. Батарея наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарея благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец прибыло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери, и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась. Противник, отбив наши атаки, несомненно, морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-й пехотной дивизии.

3-я дивизия понесла тяжелые потери. Полковник Дроздовский не считал возможным в ближайшие дни возобновить атаки, между тем противник в районе Армавира перешел в наступление и оставшиеся на этом направлении части полковника Дроздовского оказались в тяжелом положении. Через два дня, по приказанию Ставки, 3-я пехотная дивизия вновь двинулась на Армавир, а мои полки заняли прежние свои участки. Несмотря на всю выгодность своего положения, противник не сумел использовать своего успеха и оставался пассивным.

Через несколько дней приехал в Петропавловскую командуящий армией со своим начальником штаба, в сопровождении нескольких человек конвоя. Генерал Деникин прибыл на автомобиле. Он завтракал в штабе дивизии, говорил со станичным сбором и смотрел находящийся в резерве Корниловский полк. Генерал Деникин был весьма недоволен действиями полковника Дроздовского в Михайловской операции. Он подробно расспрашивал меня об обстановке на моем участке. Части генерала Покровского, подойдя к Лабе, создавали серьезную угрозу Михайловской группе красных, и генерал Деникин полагал, что в ближайшие дни можно ожидать отхода противника на этом направлении. Эти соображения разделял и я.

За несколько дней до приезда командующего армией было получено сведение о кончине в Екатеринодаре заболевшего тифом полковника Баумгартена. В дивизии его искренно жалели. Я просил генерала Деникина о назначении начальником штаба недавно прибывшего в Екатеринодар и писавшего мне оттуда генерала Дрейера, бывшего начальника штаба Сводного конного корпуса. Просьбу мою поддерживал и генерал Романовский; однако генерал Деникин решительно отказал. Он имел сведения о весьма будто бы неблагоприятной деятельности генерала Дрейера в Москве, где якобы Дрейер выдал немцам или большевикам какие-то офицерские организации. Я знал генерала Дрейера за выдающейся храбрости и талантливости офицера Генерального штаба. На предательство его я не считал способным. Впоследствии Дрейер потребовал над собой суда. Последний состоялся, и Дрейер был оправдан, однако в зачислении его на службу в Добровольческую армию генерал Деникин все же отказал.

25 сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армией, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомиров, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский.

В последних числах сентября противник на нашем фронте стал проявлять заметную нервность. Части генерала Покровского достигли реки Лабы, местами переправившись на

правый берег в районе станиц Владимирской и Засовской, угрожая флангу и тылу находящегося против меня врага. По показанию наших лазутчиков, в станицу Михайловскую прибыл «красный главковерх» Сорокин, бывший фельдшер, уроженец станицы Петропавловской. В его присутствии состоялся ряд митингов, где говорилось о необходимости отхода; в тыл потянулись неприятельские обозы. Я приказал войскам быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, беспрерывно тревожил его набегами и частичными наступлениями. За истекший месяц в постоянных стычках и многих более крупных делах дивизия понесла большие потери. Много выбыло больными. Особенно значительное число заболеваний было в частях, расположенных вдоль болотистой балки «Глубокой». Вероятно, вследствие дурного качества воды наблюдалось много больных желудочными заболеваниями и малярией; появилось значительное число чесоточных. О напряженности боевой работы частей дивизии за указанный период свидетельствуют цифры потерь: дивизия за август и сентябрь потеряла 260 офицеров и 2460 казаков – почти 100 процентов своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованиями из недавно освобожденных Лабинского, Кавказского и Майкопского отделов.

В двадцатых числах сентября прибыла ко мне группа офицеров-кавалеристов, большей частью бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка.

Из офицеров-кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть, и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка.

В ночь на 1 октября я получил донесение от командира Линейного полка полковника Мурзаева, что противником взорван железнодорожный мост в тылу Кош-Хабльского плацдарма и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказал войскам при первых признаках отхода противника переходить в решительное преследование. На рассвете отход обнаружился на всем фронте, и я отдал приказ о переходе в общее наступление.

С этого дня война перенеслась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное движение наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа.

Дивизия наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловский и Екатеринодарский полки, под общим начальством командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева, командовавшего бригадой, ввиду отсутствия уехавшего в отпуск полковника Науменко, двинулась через станцию Курганную, Родниковскую, Чамлыкскую и далее на станцию Безскорбную; левая: Уманский и Запорожский полки, под командой полковника Топоркова, через станцию Андрей-Дмитриевскую, хутора Синюхинские, на станцию Урупскую. Линейному и Черкесскому полкам, под общим командованием командира первого полковника Мурзаева, было приказано, переправившись в районе аула Кош-Хабль, следовать в станцию Константиновскую, составив мой резерв. Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле в девять часов утра выехал в станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики с хлебом-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорил с казаками, многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников. Были увезены наиболее богатые хозяева, семья инспектора местного училища, один священник. Несколько стариков перед отходом красных были расстреляны.

1 октября было днем местного храмового праздника. Я присутствовал на службе, которая была особенно трогательна. Молились на редкость искренно и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени стали стягиваться линейцы и черкесы. На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков черкесов залабинских аулов. Командовал отрядом старик черкес, богатый коннозаводчик Шавгенов. Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые аулы были выжжены дотла,

много черкесов расстреляно и замучено. В одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю. Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, их же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного стать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали.

В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбивавших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию, во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты Красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период Гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части, со своей стороны, имея неприятеля и впереди, и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную добычу как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части имущество распределялось бы между казаками особыми комиссиями из представителей сотен, а все имевшее исключительно боевое значение передавалось бы в дивизионное интендантство. Позднее, когда с помощью союзников организовано было общее снабжение наших армий, я добился сдачи войсковыми частями всей без исключения военной добычи. С самых первых дней нашей борьбы, не исключая тот период, когда мы жили только за счет военной добычи, я безжалостно наказывал всякий грабеж населения. В первые же дни прибытия моего в дивизию я повесил нескольких мародеров.

К сожалению, генерал Покровский, полковник Шкуро да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и непреклонно грань дозволенного и недозволенного и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями.

Красные, имея пехоту на повозках, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии станица Чамлыкская – хутора Синюхинские, пройдя за день 40–45 верст. Колонна полковника Топоркова нагнала в районе Синюхинских хуторов арьергард

противника, нанесла ему поражение и захватила более ста пленных, пулеметы и большой обоз.

В сумерках прибыл я в станицу Константиновскую, мне была отведена квартира в доме богатого домовладельца из иногородних. Последний, глубокий старик, встретив меня у порога сеней, упал мне в ноги, обливаясь слезами. Богатый человек, пользовавшийся среди всего населения станицы, как иногороднего, так и казачьего, всеобщим уважением, старик особенно пострадал от большевиков. Из пяти сыновей его двое при самом приходе красных бежали из станицы, и об участи их отец ничего не знал, двое были расстреляны на глазах отца, старший в течение 4 1/2 месяцев вместе с четырнадцатью казаками скрывался в самой станице. Эти несчастные были укрыты родственниками в подполье, куда ночью домочадцы доставляли им пищу, с величайшей опасностью выпуская их в горницы или во двор. Я видел этих людей – от четырехмесячного пребывания в спертom, сыром подполье без света их лица приобрели какой-то землистый оттенок и все они производили впечатление только что перенесших тяжкую болезнь. Старик, неоднократно арестованный, избег участи быть увезенным с другими заложниками лишь тем, что последние три дня просидел на току, зарытый в солому. На другой день старик разыскал одного из скрывшихся с приходом красных сыновей, оказавшегося в моей комендантской сотне. Другой сын его был также жив в одном из моих полков. Радость старика была безгранична.

С рассветом преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями. Главная масса красных отступала к главной переправе у станицы Урупской, другая колонна направлялась к переправе у станицы Безскорбной. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, я остался в станице Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы. Закончив дела, я часов около десяти выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова, он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу аррьергардом противника. Я решил проехать к нему.

Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, небольшом кургане, тут же за курганом стояли два горных орудия, шагов в двухстах за скирдами соломы расположились в прикрытие батареи две сотни запорожцев, впереди маячила лава. Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в полутора тысячах шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль близ прикрытия и пешком со старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым и ординарцем прошел к батарее. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позицию красных, как услышал крик: «Конница!» Лава запорожцев, повернув, скакала на батарею, за ней из оврага поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду «беглый огонь». Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника; было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдельные всадники уже пронеслись мимо нас. Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но тщетно. Все несло неуправляемо. Отдельные неприятельские всадники стали подсакивать к орудиям, одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой наотмашь ударил его шашкой. Окруженный несколькими красными кавалеристами, рубился полковник Топорков.

Я бросился к своему автомобилю, но, к ужасу, увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоть. Далеко впереди мелькали бро-

сившие машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю, правой и левой меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер: «Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь», – я отказался, офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите в хутора, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей...» Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата, раздался выстрел, и лошадь одного из всадников упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьвер, но, к своему ужасу, увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было, я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две сестры милосердия и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фок. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, догнал ее на ходу и вскочил. Красные всадники стали отставать. Отчаяние и злоба душили меня, гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимали в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно вглядывался вперед – помощь не подходила. Наконец мы нагнали солдата верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед, противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых, и догола раздеть оставшиеся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее.

К вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станиц Урупской и Безскорбной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец 7 октября под ударами полковника Муравьева пала станица Безскорбная, а в ночь на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупской и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками ст. Урупскую и четыремя – ст. Безскорбную. Красные отошли на правый берег реки Урупа, где и закрепились на командующих высотах.

Правее нас, в районе станиц Попутная, Отрадная, действовали части генерала Покровского, на правом фланге которого, в Баталпашинском отделе, дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, наступала от Армавира выдвинутая в этом направлении 1-я пехотная дивизия генерала Казановича; продвигаясь вдоль линии Владикавказской железной дороги, она вела упорные бои. Туда прибыл генерал Деникин. Мне ставилась задача форсировать реку Уруп, ударить во фланг и тыл действующих против генерала Казановича частей и отбросить их за реку Кубань.

Тщетно в течение почти двух недель пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действие в конном строю, в патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем генерал Казанович, выдвинувшийся было до станции Овечки, вынужден был затем с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру; с величайшим трудом он удержался лишь в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станцией Коноково в пятнадцати верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия была подчинена генералу Казановичу, и последний требовал моей помощи, настаивая между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими

доводами, что, занимая уступное положение, я маневром могу несравненно лучше обеспечить его.

На рассвете 19 октября обнаружилось наступление противника в разрез между моими частями и дивизией генерала Казановича. К вечеру того же дня противник переправился в районе моей дивизии на левый берег Урупа между станицей и аулом Урупскими и продвинулся на 11/2-2 версты к западу от реки. Оставив у станицы Безскорбной слабый заслон (линейцев и черкесов), я в ночь на 20 октября перебросил к Урупской все свои остальные силы и с рассветом 20 октября, объединив их под начальством только что вернувшегося из отпуска полковника Науменко, сам перешел в наступление.

В течение всего дня 20 октября велся упорный бой с тяжелыми потерями с обеих сторон. Противник был остановлен, и, несмотря на все усилия, ему не удалось расширить занятого плацдарма. В ночь на 21 октября обнаружился отход красных на правый берег Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я решил широким маневром нанести противнику удар в тыл. Оставив на фронте хутор Абрахманова – аул Урупский запорожцев и уманцев с одной батареей, я ночным переходом перебросил два полка к станице Безскорбной. На рассвете ударная группа в составе четырех полков с двумя батареями под общей командой полковника Науменко в районе села Ливонского форсировала Уруп и, стремительно захватив командующий гребень на правом берегу реки, неожиданно вышла в тыл противнику. Около 12 часов дня я получил донесение об удачной переправе частей полковника Науменко. Приказав уманцам и запорожцам стягиваться к урупской переправе, я сам выехал на наблюдательный пункт. Дул пронзительный северный ветер. Я, кутаясь в бурку, наблюдал за противоположным берегом реки, где ясно были видны неприятельские цепи. Солнце стало клониться к западу, ветер крепчал, а признаков продвижения полковника Науменко все еще видно не было.

Но вот по занятому противником гребню замелькали черные точки. Они покрыли вскоре весь гребень, и издали казалось, как будто движется муравейник. Видно было, как цепи противника быстро отходят за гребень. Я приказал батарее открыть беглый огонь и бросил полки в атаку. Быстро переправившись вброд, сотни развернулись, и вскоре лава казаков стала карабкаться на скалистый гребень. Где-то к востоку, в тылу у противника, слышался орудийный огонь – то вели наступление части полковника Науменко. Атакованный с фронта, фланга и тыла противник обратился в паническое бегство. Несмотря на сильное утомление людей и лошадей, преследование велось безостановочно всю ночь. К рассвету 22 октября части дивизии захватили село Моломино и станицу Успенскую, переправившись в этом пункте на правый берег Кубани. Армавирская группа красных, бывшая под начальством товарища «Демоса», была разбита наголову. Мы взяли более 3000 пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-я сотня Корниловского полка захватила 23). В результате боя на Урупе противник очистил весь левый берег Кубани и 1-я пехотная дивизия генерала Казановича 22 октября без боя выдвинулась до станции Овечки.

Переночевав в станице Урупской, я на рассвете верхом, в сопровождении прибывшего накануне, назначенного в мое распоряжение и вступившего в исполнение должности начальника штаба Генерального штаба полковника Соколовского и нескольких ординарцев, выехал к станице Успенской. Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, лазаретные линейки с ранеными, тянулся под конвоем казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице Успенской, когда на улицах станицы еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и строились на околице. Едва казаки увидели мой значок, как громкое «ура» загремело в рядах. Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями, и отныне дивизия не знала поражений.

Разбитый противник, переправившись через Кубань, бежал частью вдоль линии железной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся через станицу Убеженскую вниз по течению Кубани на Армавир, выходя, таким образом, в тыл частям 1-й пехотной дивизии. Город Армавир прикрывался лишь слабыми силами. По требованию генерала Казановича я выделил бригаду полковника Топоркова для преследования угрожавшей Армавиру неприятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева продолжала действовать на левом фланге 1-й пехотной дивизии, наступавшей вдоль линии Владикавказской железной дороги по направлению на станицу Невиномысскую. Сам я с корниловцами и екатеринодарцами оставался в селе Успенском. Накануне части захватили значительное число пленных и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести в известность. Генерал Деникин телеграфировал мне, благодаря дивизию за славное дело, и выражал пожелание, чтобы «этот успех был началом общего разгрома противника». Вместе с тем мне приказывалось, оставив необходимое мне для снабжения моих частей оружие из военной добычи, остальное оружие направить в Армавир для вооружения формируемых там частей, туда же приказывалось мне направить пленных.

При дивизии моей имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Батальон этот в июле сильно пострадал, и ко времени принятия мною дивизии его численность составляла несколько десятков человек. Еще во время приезда генерала Деникина в станицу Петропавловскую я ходатайствовал о введении в штат дивизии стрелкового полка, который я намечал сформировать из иногородних, в значительном числе безлошадных, используя кадры пластунского батальона, где большинство людей были также не казаки. Вскоре после этого прибыли ко мне командированные Ставкой в мое распоряжение несколько офицеров из пехотных частей, в том числе два штаб-офицера, бывших кавказских стрелка, полковники Чичинадзе и князь Черкесов и несколько молодых офицеров. Все они были зачислены мною в пластунский батальон. Батальон этот вместе с некоторыми тыловыми учреждениями дивизии находился в станице Урупской.

Переговоривши с полковниками Чичинадзе и князем Черкесовым, я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны Отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его – полковника князя Черкесова. Одновременно я послал телеграмму Главнокомандующему, донося о сформировании полка и ходатайствуя о введении его, согласно данному мне обещанию, в штат. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в Царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования. За это время полк беспрерывно участвовал в боях, несколько раз переменял свой состав и приобрел себе в рядах армии громкую славу.

Колонна противника, преследуемая по пятам полковником Топорковым, продолжая частью сил двигаться правым берегом реки Кубани, другой большей своей частью бросилась от станицы Убеженской на север, была настигнута полковником Топорковым в районе хутора Горькореченского и здесь разбита наголову. Остатки ее рассеялись. Окончательно истомленные продолжительными боями полки полковника Топоркова остановились в ночь с 25-го на 26-е на хуторе Горькореченском. Между тем части противника, отходившие вдоль Кубани, атаковали в районе Армавира заслон 1-й пехотной дивизии и, нанеся ему большие потери, отбросили его к самому городу. Генерал Казанович требовал срочной помощи.

На рассвете 26 октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток; здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Во время боя я с полковником Науменко и несколькими ординарцами отъехал от колонны, желая подняться на гребень, откуда поле боя должно было быть особенно хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись в 20 шагах на залегшую за гребнем, по-видимому ища укрытия от непогоды, неприятельскую заставу. Наше появление в тылу заставы было так неожиданно, что большевики совсем опешили. В ту же минуту застава была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское, где нашел телеграмму генерала Деникина, вызывавшего меня в Армавир.

Я застал поезд генерала Деникина на станции. Главнокомандующий пригласил меня к себе завтракать. Кроме меня завтракали генерал Романовский и генерал Казанович. Генерал Деникин был весьма доволен действиями дивизии и горячо меня благодарил. Таманская армия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим был нами оставлен), постепенно охватывалась кольцом наших войск. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского и 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшие вдоль линии Кавказская – Ставрополь, подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга вдоль линии Армавир-Ставропольской железной дороги шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая пути к северу от железнодорожной ветки Ставрополь – Петровское, действовала 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая. Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которым как будто склонялся начальник штаба главнокомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавалась из 3-й пехотной дивизии бригада генерала Чекотовского: Офицерский конный и 1-й Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28 октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города. Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь с частями генерала Казановича в районе села Татарка. На левом моем фланге части генерала Чекотовского соприкасались с частями 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского, левой которого, южнее станции Пелагиада, охватывая Ставрополь с севера, вела бой 2-я пехотная дивизия генерала Боровского. Мой резерв, корниловцы и екатеринодарцы, под общей командой доблестного командира Корниловского полка полковника Бабиева (полковник Науменко отбыл в Екатеринодар для участия в заседаниях Кубанской рады) сосредоточился в немецкой колонии Иогансдорф. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь – Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу 1-й Кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями, и тактическое окружение Таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка то здесь то

там вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступавших сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к деревьям, стояли казачьи кони, и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший, вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с превкусным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-й пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиаду, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию. Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1 ноября с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1-ю бригаду, атаковал его. Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиевым с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабиев на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу Офицерский конный полк и с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев и черноморцев направился к расположенному в предместье города монастырю. Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих, и наконец врассыпную из монастырской ограды и улочек поселка побежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улице шла рубка...

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же, у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о каменную ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не видели этого. С крестом в руке, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахини, предлагая хлеб и чай. Мать игуменья тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина крепко врезалась в мою память...

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течение нескольких дней укрывались здесь, переодетые монашками.

Около полудня я получил донесение полковника Бабиева, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабиев доносил, что пока держится, но что патронов мало и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкреплений. Я выслал ему две сотни и послал донесение главнокомандующему, прося присылки каких-либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского. Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру после жестокого боя выбил из города части полковника Бабиева и вновь овладел вокзалом. Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник. Поздно ночью подошли инородцы, а

на рассвете стрелки, которых я направил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш броневедомитель «Верный». Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневедомителе проехал к нему и отдал приказ ударной группе – запорожцам, уманцам, черноморцам, Офицерскому конному полку и стрелкам – при поддержке «Верного» перейти в общее наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили, ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель отчаянно отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбежал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку.

Город под владычеством большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урупе начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождями закончилась расстрелом в Ставрополе красного главковерха фельдшера Сорокина. Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самочинные обыски и расстрелы. Многих несчастных перед смертью подвергали жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколотыми глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь от расхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя, и требовал в течение 24 часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения и укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковского, бывшего моего сослуживца по Усурийской дивизии, недавно прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. В огромном незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении пострадавшего населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, поддержать порядок было крайне трудно. На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек прежде, нежели, предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин по занятии Ставрополя красными оставил город со своим отрядом и ныне вернулся, предоставив себя и своих людей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики. Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я немедленно приказал хорунжего Левина

арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По прибытии в город губернатора полковника Глазенапа я передал ему хорунжего Левина, и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

3 ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии. 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника Генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самым nepозволительным образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов его штаба за непристойное поведение в пьяном виде.

В ногайских степях

Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское, удерживая арьегардными частями линию деревень Надеждинское, Михайловка, Пелагиада, местами делая попытки перейти в наступление.

На рассвете 6 ноября я получил приказание Главнокомандующего, штаб которого находился на станции Рыздвяная, помочь нашей пехоте, которую в районе деревни Михайловка противник сильно теснил. Подняв по тревоге дивизию, на рысях выдвинулся к железнодорожному переезду на дороге из Монастыря к Михайловке, перешел через полотно железной дороги и, приказав 1-й бригаде и черноморцам наступать в пешем строю, бросил уманцев и запорожцев в атаку. Славные части полковника Топоркова прорвали фронт противника и на его плечах ворвались в Михайловку. Здесь было изрублено много красных. Преследуя отходящих, наши части захватили до тысячи пленных и огромный обоз, причем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе. Противник отступал на северо-восток вдоль дороги Михайловка – Дубовка – Казинка. Я послал приказание преследовать его по пятам, а сам перешел со штабом в село Михайловку. Вечером я получил приказание генерала Деникина прибыть к нему на станцию Рыздвяную.

Я верхом поехал на станцию Пелагиада. Стоял густой туман. Луна сквозь пелену тумана освещала зеленым светом тянущиеся по сторонам дороги хаты, широкую, покрытую лужами улицу. На дороге лежали не убранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь боязливо шархнулся – у самых ног лошади из лужи смотрело оскаленное лицо мертвеца, труп затянуло в грязь, и видно было одно мертвое лицо. Несколько шагов далее из воды торчала окоченелая рука. Конь храпел, вздрагивал и бросался в стороны.

Я застал поезд генерала Деникина на станции Рыздвяная. Главнокомандующий горячо благодарил меня за последнее дело и сделал высокую оценку действий моих частей в течение всей Ставропольской операции. Одновременно генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го конного корпуса, в состав которого кроме моей дивизии включалась 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая. Последняя прорвавшимся из Ставрополя на северо-восток противником была оттеснена из района деревень Дубовка – Тугулак и ныне располагалась в районе села Донского. 1-му конному корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской красной армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь – Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и генерала Покровского.

Генерал Деникин спросил меня, кого я намечаю на должность начальника штаба корпуса. Я просил назначить полковника Соколовского, работой которого за последние дни я был очень доволен. Присутствующий при разговоре генерал Романовский заметил, что полковник Соколовский для этой должности как будто молод, но генерал Деникин поддержал меня и тут же поздравил полковника Соколовского с назначением. Я наметил сосредоточить корпус в районе деревни Тугулак, о чем и послал приказание полковнику Улагая. Полковник Топорков вступил в командование 1-й дивизией.

В вагоне генерала Деникина встретил я начальника 2-й пехотной дивизии генерала Боровского. Последний имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам, это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровский «пропил Ставрополь».

7 ноября полковник Топорков разбил врага у Дубовки и вновь захватил пленных и большой обоз. 8 ноября одновременной атакой 1-й конной дивизии с юга и 2-й Кубанской дивизии с запада мы овладели Тугулаком и Казинкой. Неприятель, разбитый наголову, бежал

на Константиновку и Кугульту, оставив в наших руках вновь большое количество пленных и военной добычи. 10 ноября части корпуса одновременно овладели: 1-я конная дивизия – селом Константиновкой, 2-я Кубанская – селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли. 11 ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие. К корпусу присоединились наконец линейцы, черкесы же остались при дивизии генерала Казановича. Между тем части последнего, встречая упорное сопротивление, продвигались весьма медленно и к 11 ноября подошли лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать.

Таким образом, мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед. Бой под Петровским окончился в полной темноте. Я со штабом остался ночевать в селе Константиновка. Тут же расположились обозы 1-го разряда, радиостанция и летучка Красного Креста.

На рассвете мы были разбужены шедшей в селении перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-либо из местных большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около двух рот пехоты, посаженных на повозки, при двух орудиях прошли ночью от Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около взвода красных ворвалось в самую деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находилась полусотня, около тридцати казаков, столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас не решались. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать коней и выскочить из села, однако обоз двух полков и наша летучка были захвачены противником; доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубахе из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакало несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я со всем штабом захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагая держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петровскому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского, заменившего временно командовавшего отдельной бригадой генерала Чекотовского. Генерал Чайковский писал полковнику Улагая о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении, я тут же на приказании написал «в плен не попадал, приказываю наступать» и отправил казака обратно. До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я проехал к полковнику Улагая, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по Конной гвардии ротмистром князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части.

Солнце скрылось за горизонтом, сумерки быстро сгущались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили местечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Вперед нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из местечка. Вот и река Калаус. Впереди чернеет железнодорожный мост. Неожиданно из соседней улицы затрещали выстрелы и несколько пуль просвистали у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Красные продолжали стрелять, и пули щелкали по настилу моста. Подо мною был серый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Светлая лошадь была в темноте хорошо видна и давала возможность красным пристреляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною рядом, заслонив от выстрелов. «Ты куда, назад», – крикнул я, но он, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскоре нагнали нашу заставу...

С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодарное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе, в запасе ничего не имелось. Я второй день телеграфировал в Ставку, прося срочной присылки огнеприпасов, разослал ординарцев в Ставрополь и к генералу Казановичу с просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорейшей присылки огнеприпасов, донося, что дальше держаться не могут. Положение становилось тяжелым, раньше полудня 14-го я подхода транспорта с патронами ожидать не мог. Между тем дальнейшее наступление противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу левому флангу соседней дивизии генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В десять часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра 14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же по телефону я отдал необходимые приказания начальникам дивизий. Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хуторов Писаренки на полдороге между Благодарным и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего их отобрали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах. Едва засерел восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к месту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за Калаус. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части вновь овладели Петровским и в последующие дни с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона закрепились на высотах к северу и востоку от местечка.

Я решил использовать выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21 ноября, оставив заслоном на фронте Донская балка – Петровское – Николина балка 2-ю Кубанскую дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ю конную дивизию и сводную бригаду под общим начальством полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22 ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против генерала Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-й армейский корпус к вечеру 22 ноября подошел к реке Калаус.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. Навстречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжело ранеными, отдельные

легко раненные. Встречавшиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. По одному ответу видно было, что дело удачное. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака, я поздоровался. Казаки ответили как-то угрюмо.

– Как дела? – спросил я.

– Плохо, командира полка убили.

Тут только заметил я свешивающиеся с транспорта из-под брезента ноги, я снял шапку и перекрестился:

– Кого именно?

– Их высокоблагородия, полковника Мурзаева.

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного порыва начальник.

23-го полки вернулись с набега, а 24-го с рассветом противник вновь перешел в наступление у Петровского. К девяти часам утра, потеснив наш правый фланг, противник овладел рядом хуторов к югу от местечка и в 7 верстах южнее Петровского захватил железнодорожный путь. Около полудня 1-я дивизия перешла в контратаку. Полковник Топорков отбросил противника за Калаус и, прижав его к скалистому гребню в районе Донская балка, разбил наголову. Мы вновь захватили 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. Преследуя врага, наши части выдвинулись на линию хутор Бурнева – озеро Маховое – Камбулат. В течение четырех дней нами взято 3500 пленных, 70 пулеметов, 11 пушек и большое число обозов.

Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты.

Успехами корпуса я обязан был блестящей работе моих ближайших помощников, начальников дивизий. Я представил полковников Улагая и Топоркова, а также отсутствующего полковника Науменко к производству в генерал-майоры.

Все три были достойнейшие офицеры. Полковники Топорков и Улагай оба отлично командовали своими дивизиями. Первый, выслужившийся из казаков, природным чутьем отлично разбирался в обстановке. Совершенно исключительной храбрости, огромного порыва и ничем не поколебимой твердости, он всегда близко стоял к своим войскам, жил с ними одной жизнью, разделяя все тяготы боевой службы и увлекая в тяжелые минуты личным примером. Раз отданное начальником приказание полковник Топорков неуклонно выполнял, не считаясь ни с какими препятствиями; в этом отношении он иногда пересаливал и в стремлении выполнить поставленную задачу нес подчас излишние потери. Полковник Улагай был натурой несравненно более сложной; нервный, до болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, он пользовался обаянием среди своих офицеров и казаков. Отлично разбираясь в обстановке, он умел ее использовать, проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладая несомненно талантом крупного кавалерийского начальника, он имел и недостатки: неровность характера, чрезмерную, иногда болезненную обидчивость, легко переходил от высокого подъема духа к безграничной апатии, приступая к выполнению задачи, готов был подчас искать в ней непреодолимые к этому препятствия, но, раз решившись на что-нибудь, блестяще проводил решение в жизнь.

К концу ноября наши части вышли на линию реки Калаус. От Невинномысской вдоль линии Владикавказской железной дороги наступала наша пехота (10 000 штыков и шашек, 30 орудий), объединенная под начальством генерала Ляхова, долгое время в Персии командовавшего нашими казаками. На правом фланге его в Баталпашинском отделе работали казаки полковника Шкуро. К северу от частей генерала Ляхова действовал 1-й армейский корпус (1-я Кубанская и 1-я пехотная дивизии, 6800 штыков и шашек, 21 орудие) под общим начальством бывшего начальника последней храброго генерала Казановича. Далее в районе Пет-

ровского находился мой корпус (6200 штыков и шашек, 20 орудий). Левее меня, к югу от Маныча в районе Большой и Малой Джалги, станицы Винодельное и Предтеча, оперировал отряд из трех родов войск генерала Станкевича (2–3 тысячи, при 4 орудиях). Против наших частей находилась XI армия красных, общей численностью около 70 000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в 4 группах: против генерала Станкевича между озером Маныч и с. Овощи – 15 000; против моего корпуса – 10 000; против частей генерала Казановича – 10 000; против генерала Ляхова – 20 000. В резерве в районе Кизляр – Моздок – Грозный – 12 000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая – Великокняжеская, заняв села Тахра и Немецко-Хатинское. Важный для нас железнодорожный путь Торговая – Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд генерала Станкевича был подчинен мне, и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против частей генерала Станкевича, отбросить ее за реку Калаус и прочно прикрыть ведущие к Торговой пути к югу от Маныча.

Оставив заслон в районе Петровского, 1-й конный корпус перешел в наступление на север и, двигаясь обоими берегами реки Калаус, разбил противника у Николиной Балки, Предтечи и Винодельного. Под угрозой быть прижатым к болотистому Манычу неприятель начал поспешный отход на восток. Генерал Станкевич перешел в наступление. К 1 декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское – Винодельное – Кистинское.

За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала полки значительные пополнения, и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным. Пополнились значительно артиллерия, технические и тыловые команды. Все эти части укомплектовывались главным образом за счет пленных красноармейцев. Также пополнился и стрелковый полк полковника Чичинадзе, работавший прекрасно. После разгрома на Урупе и Кубани красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, неохотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично. Правда, по мере очищения области от красных и продвижения наших войск вперед часть из этих пополнений, освободив родное село или хутор, пытались всячески уклониться от дальнейшей службы, но все же значительный процент продолжал добросовестно служить. Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы. Из захваченных повозок были сформированы санитарные, артиллерийские и интендантские транспорты. Попавшие в наши руки технические средства в связи со значительными развитыми местными телеграфными линиями дали возможность хорошо обеспечить связь. За последнее время и штаб главнокомандующего стал приходить на помощь. Снабжение огнеприпасами казалось обеспеченным, и за последние недели было прислано в корпус несколько броневых автомобилей. Вместе с тем все же целый ряд вопросов хозяйственного и организационного характера требовал еще разрешения. За три месяца непрерывных боев значительное число офицеров и казаков были одновременно представлены к награждению. Представления эти, несмотря на постоянные мои напоминания, в штабе главнокомандующего месяцами залеживались, и многие достойные офицеры и казаки успевали выбыть из строя, так и не дождавшись награды. Разбитый, потерпевший огромные потери противник против нас казался совершенно деморализованным, и активных действий с его стороны в ближайшие дни ожидать было трудно. Я решил воспользоваться боевым затишьем и на месте в Екатеринодаре добиться разрешения целого ряда существенных для корпуса вопросов.

Получив разрешение генерала Деникина и вытребовав себе из Ставрополя в Петровское вагон, я выехал в Екатеринодар, передав корпус только что произведенному в генералы Улагаю. Я нашел Екатеринодар еще более переполненным, нежели три месяца тому назад. Несмотря на то что предупрежденный о моем приезде войсковой штаб отдал приказание отвести мне номер в войсковой гостинице, таковой удалось получить лишь через несколько дней и первые дни пришлось жить в моем вагоне.

Генерал Деникин встретил меня очень сердечно. Много благодарил за блестящие действия корпуса и обещал всем, что от него зависит, корпусу помочь, приказав мне о всех нуждах корпуса сообщить начальнику штаба. У последнего встретил я весьма любезный прием, однако ни по одному вопросу вполне определенного, исчерпывающего ответа получить не мог. Генерал Романовский в большинстве случаев уклонялся от решительного ответа, не давал определенных обещаний, избегал и отказов... То же встретил я и в большинстве отделов штаба, в частности, у нового генерал-квартирмейстера полковника Плющевского-Плющик. Последний проявлял полное отсутствие самостоятельности, как будто даже боялся последней, постоянно ссылаясь на то, «что скажет Иван Павлович», «как посмотрит Иван Павлович»³.

Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая разрешение самых насущных повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался изучением и разрешением целого ряда вопросов, быть может и существенных, но имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...

В одну из таких комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы в условиях настоящей войны, где маневр играл первенствующую роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что по освобождении казачьих земель они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе, и считал необходимым безотлагательно озаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставалось без дела или служили в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем оттого ли, что среди лиц штаба, начиная с Главнокомандующего, за немногими исключениями, большинство было пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал, в видах успешного проведения этой мысли в жизнь, создать особый орган – инспекцию конницы. Внесенная в комиссию моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось.

Приезд мой в Екатеринодар совпал с выбором Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали старого атамана полковника Филимонова, левые, «самостийные», группы выставляли кандидатуру председателя Рады, Быча. Вокруг предстоящих выборов шла ожесточенная борьба. Борьба эта в казачьих частях и широкой массе казачества сочувствия не имела. Мне представлялось, что всякие политические выступления, всякая политическая борьба в тылу в то время, когда на фронте идут кровопролитные бои, наносят непоправимый ущерб нашему делу. Всякое послабление в этом отношении со стороны главнокомандующего могло быть, по моему мнению, чревато последствиями. Хорошо зная

³ Генерал Романовский.

казаков, я не сомневался в том, что мощный окрик генерала Деникина в корне пресек бы все эти выступления и что, наоборот, всякое послабление, всякое искание властью компромисса было бы учтено как слабость ее, и неизбежным следствием чего явились бы новые домогательства местных демагогов. При свидании моем в день приезда с генералом Деникиным я попытался затронуть этот вопрос, но главнокомандующий от дальнейшего разговора уклонился. Генерал Драгомиров сообщил мне, что находящиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел недопустимым выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед *coup d'etat*. Однако генерал Деникин, по-видимому, был другого мнения.

На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя полковник Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование «волчий». В волчьих папах с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собою не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» неся по улицам города с песнями, гиком и выстрелами. Возвращаясь как-то вечером в гостиницу, на Красной улице увидел толпу народа. Из открытых окон особняка лился свет, на тротуаре под окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней в поводу, несколько «волоков». На мой вопрос, что это значит, я получил ответ, что это «гуляет» полковник Шкуро. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11–12 вечера являлась ватага подвыпивших офицеров, в общий зал вводились песенники местного гвардейского дивизиона, и на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попок под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат.

Наконец состоялись выборы. Выбранным оказался генерал⁴ Филимонов. Весьма разумный, тонкий, осторожный, но не обладавший, как показали дальнейшие события, необходимой твердостью и не сумевший удержать в своих руках атаманскую булаву.

Начатая генералом Корниловым героическая борьба ширилась, и казалось, что значение ее начинала учитывать Европа. С целью изучения вопроса возможностей помочь нам необходимым снабжением прибыли в Екатеринодар представители английского и французского правительств.

Во главе миссий стояли: английской – генерал Пулль и французской – капитан Фуккэ. В ближайшее время миссии выезжали на фронт для ознакомления на месте с нуждами войск.

11 ноября нового стиля на Западном фронте было заключено перемирие. Германская армия развалилась, и немецкие оккупационные войска, охваченные русской заразой, распродавая оружие и снаряжение, толпами бежали домой.

На Украине произошло то, что неизбежно должно было случиться. Посаженный немцами и державшийся немецкими штыками, Скоропадский пал, скрывшись в Германию. В Киеве предательски был убит герой Галиции генерал граф Келлер. Уцелевшие офицеры бежали на Дон и Кавказ. Здесь генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело

⁴ Произведен в генерал-лейтенанты Радой.

использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзными державами генерала Деникина.

Перед общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели еще найти общего языка.

В штабе главнокомандующего жестоко обвиняли генерала Краснова в «нежелании подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе донского атамана такие же упреки раздавались по адресу главнокомандующего.

Борьба против насильников родины разгоралась и на других концах Русской земли. 18 ноября социалистическое Омское правительство было сброшено и во главе сибирских армий стал адмирал Колчак. На севере вдоль Мурманской железной дороги войска объединил генерал Миллер, в Прибалтике формировались части генералом Юденичем. Черная мгла, нависшая над Россией, казалось, рассеивалась...

Я оставался в Екатеринодаре, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорее вернуться к себе в корпус, однако разрешение штабом важных для меня вопросов бесконечно оттягивалось. Между тем противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В Ставке заволновались, и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего спешить возвращением в корпус и принять меры для восстановления нашего положения. Я вызвал по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Последний принял уже необходимые меры, сосредоточивал свои части к югу от Винодельного, имея целью повторить прежний наш маневр. Я дал начальнику штаба корпуса несколько дополнительных указаний и в тот же вечер выехал в Петровское, а оттуда верхом в корпус. В Петровском я получил донесение генерала Улагая об удачном для нас деле. Генерал Улагай нанес противнику жестокое поражение, захватив много пленных и пулеметов, вновь овладел Винодельным и продолжал продвигаться к северу, угрожая тылу красных. В бою под Винодельным особенно отличились стрелки полковника Чичинадзе.

Вечером прибыв в Винодельное, я отдал приказ генералу Станкевичу также перейти в наступление. Через два дня наше положение было полностью восстановлено.

В бытность мою в Екатеринодаре я ходатайствовал об отводе корпуса в резерв главнокомандующего, чтобы дать возможность полкам произвести перековку. Не добившись определенного ответа на мое ходатайство, я отдал приказ полкам немедленно приступить к перековке, используя боевое затишье. В последних боях противник был окончательно потрясен. Деморализация в рядах противника усиливалась, и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красных на нашем фронте. Однако общее положение не дало нам возможности продолжительного отдыха.

В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станиц Медведское – Шишкино, в пятидесяти верстах к югу от села Петровское, перешел в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому времени на фронт Грушевка – Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калаус. По донесению генерала Казановича, его части в случае дальнейшего продвижения противника не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейший отход к Ставрополю 1-го армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению. Я решил, невзирая на большое утомление моих частей после трехмесячных непрерывных боев, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронте Петровское – Маныч, широким маневром охватить и нанести удар в тыл действующей в районе Медведское – Шишкино группе красных. За несколько дней перед этим бригада генерала Чайков-

ского (Офицерский конный и Черноморский казачий полки) вышла из состава корпуса, а вновь сформированный 2-й Лабинский казачий полк вошел в состав 1-й конной дивизии.

Главкомандующий одобрил мои предположения. Сосредоточив в районе Петровского екатеринодарцев, линейцев, лабинцев, уманцев, запорожцев и пластунов, под общим начальством произведенного в генералы Топоркова, я отдал последнему приказание 21-го на рассвете двинуться усиленным переходом в общем направлении на Александрию и, выйдя в тыл красных, атаковать их в направлении Шишкино – Медведское. Прибыв 20-го в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических миссий на фронт. Вечером меня вызвал из Ставрополя к аппарату главнокомандующий. По донесению генерала Казановича, тяжелое положение его корпуса исключало возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генерал Деникин спрашивал, возможен ли проезд их в 1-й конный корпус и что я могу «им показать». Я ответил, что «могу показать лишь, как кубанцы бьют большевиков», и просил главнокомандующего, буде возможно, прибыть ночью, дабы с рассветом выступить с колонной генерала Топоркова.

Приказав полковнику Бабиеву, который с корниловцами и стрелками оставался для прикрытия Петровского, назначить взвод казаков в почетный караул и сделать все необходимые распоряжения для встречи гостей, я отдал директиву корпусу. Директива была переведена на английский и французский языки, и к ней была приложена схема обстановки с соответствующей объяснительной запиской, последняя также в переводе. За всеми хлопотами мне не пришлось за всю ночь лечь. В 4 часа утра я был уже на вокзале. Вскоре подошел поезд. Генерал Деникин, генерал Пулль, капитан Фуккэ и лица свиты были уже одеты, и мы, сев верхом, тронулись в путь.

Стало понемногу сереть, бесконечно, куда хватал глаз, чернела пустынная степь, местами прорезанная глубокими оврагами; кое-где одиноко темнели курганы; утро было туманное, изредка моросил дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дороге попадались отставшие от обозов повозки, местами безнадежно завязшие в грязи. Отъехав верст 15, мы нагнали большой обоз, стоявший на привале; тут же находилось несколько орудий. Генерал Топорков, оставив тяжести и часть артиллерии в тылу, выпряженными лошадьми усилил артиллерийские запряжки. В некоторых батареях тела орудий были сняты и везлись на телегах. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли в грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшие с первой бригадой, значительно отстали от своей колонны. Лишь к 4 часам дня авангард правой колонны, при которой следовали мы, наступая дорогой Петровское – озеро Маховое – Шишкино, обойдя фланг противника, спустился в долину реки Сухая Буйвола и завязал перестрелку с красными. С четырех часов утра мы ничего не ели и почти не слезали с лошадей. Отвыкшие от походной жизни, не втянутые в езду, главнокомандующий, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбрав удобный наблюдательный пункт, я предложил генералу Деникину оставаться здесь, сам же просил разрешения проехать вперед, чтобы руководить боем.

При генерале Деникине я оставил начальника штаба корпуса полковника Соколовского с моим конвоем, приказав ему, выждав подход 2 отставших орудий и пластунов и объединив под своим командованием эти части, наступать на деревню Сухая Буйвола, где наш боковой отряд завязал перестрелку. Медленно тянулась мимо нас колонна, спускаясь крутым берегом в долину речки. Главкомандующий здоровался с полками.

Вдвоем с офицером-ординарцем я, обгоняя колонну, проехал вперед. Наша лава медленно карабкалась на правый берег реки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрелы. Далеко вправо, в районе деревни Сухая Буйвола, наш боковой отряд вел перестрелку. Левее видна была подходившая к деревне Александрия 2-я бригада. У самой переправы мелькал значок генерала Топоркова и виднелась группа чинов его штаба. То там, то

здесь над колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Там за гребнем часто стучали выстрелы. Мы с генералом Топорковым рысью выехали вперед. Лава лабинцев маячила перед деревней, не решаясь атаковать.

Подымаясь в гору, подходил Екатеринодарский полк. Полком командовал молодой офицер полковник Лебедев. Приказ о его производстве в штаб-офицеры в корпусе получен был лишь накануне, и Лебедев, только сегодня об этом узнавший, не успел еще надеть полковничьих погон. Я подскакал к полку, поздоровался с казаками и обратился к командиру полка: «Полковник Лебедев, поддержите штаб-офицерские погоны, в атаку». Полковник Лебедев выскочил вперед, раздалась команда: «Шашки к бою, строй фронт, марш, марш», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскоре рубка шла на улицах села, оттуда врассыпную бежали люди, скакали повозки, лазаретные линейки, походные кухни. Из соседней деревни Медведское на восток быстро отходила длинная колонна обозов, ей наперерез из Александрии спешили полки 2-й бригады. В бинокль был виден втягивающийся в деревню Сухая Буйвола отряд полковника Соколовского. Темнело; одно за другим стали поступать донесения. Полковник Соколовский занял Сухую Буйволу, захватив пленных, пулеметы и батарею. Почти одновременно с ним в деревню вошла и конница 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского, действовавшая на левом фланге 1-го армейского корпуса⁵, екатеринодарцы, линейцы, лабинцы, овладев Шишкином и Медведским, также захватили много пленных, пулеметы и орудия. Противник на всем фронте отходил в направлениях на Благодарное, Елизаветинское и Новосельцы.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал назад. Стало совсем темно. Генерал Деникин уже проехал на Петровское, и я поспешил возвратиться, дабы застать главнокомандующего до его отъезда. Дорога казалась бесконечной. Заморенные кони двигались с трудом. Наконец мы добрались до Петровского. Дом, занятый штабом, был ярко освещен. Я застал генерала Деникина с иностранными гостями за ужином. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесение с места боя. Генерал Деникин его громко прочел, и меня встретили криками «ура». Несмотря на то что все сильно проголодались, гости ели неохотно. Все очень заморилось и спешили лечь.

В 11 часов гости уехали, я оставался еще в штабе, чтобы отдать несколько необходимых распоряжений, а затем проехал на вокзал проводить главнокомандующего. Весь поезд уже спал, и я, приказав дежурному офицеру передать главнокомандующему пожелание счастливого пути, вернулся домой и заснул как убитый. Я не спал полтора суток и за последние сутки сделал верхом не менее ста верст.

Победа 21 декабря стоила противнику 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий. Огромные обозы красных попали в наши руки, 1-й армейский корпус генерала Казановича вновь выдвинулся на линию Медведское – Грушовка – Калиновка. Приказом главнокомандующего части 1-го армейского корпуса генерала Казановича, 1-го конного корпуса и отряд генерала Станкевича объединялись в отдельную армейскую группу под моим начальством.

Мне ставилась задача, удерживая фронт Маныч – Петровское и развивая достигнутый 21 декабря успех, овладеть главной базой Таманской армии – Святым Крестом и в дальнейшем, закрепившись здесь, действовать в тыл Минераловодской группе красных, скованной с фронта наступающими вдоль Владикавказской железной дороги частями генерала Ляхова.

Оставив в районе Камбулат – Малые Айгуры отряд полковника Бабиева в составе двух конных и стрелкового полков для прикрытия села Петровское и железной дороги на Ставро-

⁵ Сам генерал Покровский отсутствовал, и дивизией временно командовал бригадный командир генерал Крыжановский.

поль, я направил генерала Улагая с его 2-й Кубанской и одной бригадой 1-й конной дивизии для преследования противника, отходившего на Благодарное и далее на Святой Крест.

Генералу Топоркову и генералу Казановичу я приказал перейти в общее наступление на фронте Александровское – Новоселица и далее на юго-восток. Противник, желая выйти из тяжелого положения, предпринял отчаянную попытку приостановить наше наступление. 26 декабря, сосредоточив свои силы в районе Казгулак – Овоци, он обрушился на отряд полковника Бабиева и после тяжелого двенадцатичасового боя оттеснил его к самому Петровскому. Не имея свободных резервов, я просил главнокомандующего мне помочь, и в мое распоряжение были переданы расположенные в Ставрополе Корниловский ударный и 3-й Сводно-Кубанский казачий полки.

Приказав казакам спешно двигаться из Ставрополя к Петровскому походным порядком, я в ночь на 27-е перебросил по железной дороге корниловцев и, выдвинув их на фронт, к вечеру 27-го остановил красных в 7 верстах от Петровского. К вечеру 28 декабря полковник Бабиев, усиленный корниловцами и сводно-кубанцами, занял Малые Айгуры и Камбулат. Произведя перегруппировку, он через сутки ночным переходом, имея пехоту на повозках, выдвинулся к Казгулаку, наголову разбил здесь противника и захватил более тысячи пленных. Последние, в значительном числе недавно насильно мобилизованные большевиками, сами выразили желание стать в наши ряды и в тот же день в числе пятисот человек сражались в рядах Корниловского ударного полка. Не задерживаясь в Казгулаке, полковник Бабиев в тот же день выдвинулся к селению Овоци и к вечеру после короткого и горячего боя овладел последним, вновь захватив пятьсот пленных. На следующий день, 31 декабря, доблестный полковник Бабиев увенчал свое славное дело занятием села Маштак-Кулак, где и довершил разгром противника. Остатки красных рассеялись в степи.

Наступающий Новый год застал части корпуса на походе в Ногайских степях.

Прошлое темно, будущее неясно, но рассвет как будто уже брезжит, прорезывая кровавую тьму, покрывшую Русскую землю...

За два дня до Нового года я получил неожиданно телеграмму главнокомандующего о назначении меня командующим Добровольческой армией; впредь до выполнения поставленной вверенной мне группе войск задачи временно командовать армией приказывалось начальнику штаба главнокомандующего генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующим и донским атаманом наконец привели к соглашению 26 декабря во время свидания в Торговой Главнокомандующего и донского атамана. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Я совершенно не ожидал нового назначения. Оно обрадовало меня, дав возможность приложить силы и знания свои в широком масштабе и показав, что главнокомандующий доверяет мне и ценит мою работу. В то же время мне грустно было расстаться с моим славным корпусом и, неизбежно оторвавшись от войск, отдалиться от столь близкой мне боевой жизни.

Командиром 1-го конного корпуса назначался начальник 1-й Кубанской дивизии генерал Покровский, причем его дивизия включалась в состав корпуса, взамен 2-й Кубанской дивизии генерала Улагая. Был назначен и новый начальник 1-й конной дивизии. По принятии мною 1-го конного корпуса начальником последней был назначен генерал Науменко. Он, однако, так и не успел вступить в командование, приняв должность походного атамана Кубанского войска, и дивизией долго временно командовал командир 1-й бригады полковник Топорков.

Заместителем генерала Науменко оказался старый мой приятель, соратник по Японской кампании и однокашник по Академии Генерального штаба, которую он окончил за два года до меня, генерал Шатилов.

Я приказал генералу Шатилову объединить командование 1-й Кубанской дивизией и частей 1-й конной, действующих под начальством генерала Топоркова.

Безостановочно гоня красных, генерал Улагай 24-го овладел Благодарным и 4 января захватил базу Таманской армии – Святой Крест, овладев здесь огромными запасами. В то же время генерал Шатилов, преследуя противника, овладел Новоселицами и селом Александровское, захватив вновь пленных, пулеметы и орудия. На следующий день в село Александровское вступили части генерала Казановича. Из Новоселиц конница генерала Топоркова усиленным маршем выдвинулась к станции Преображенское, перерезала железнодорожную ветку Святой Крест – Георгиевская, отрезав путь бегущим на юг красным эшелонам⁶.

Сюда же, к станции Преображенское, спешили, преследуя по пятам бежавшего из Святого Креста на юг противника, прочие полки 1-й конной дивизии (2-я Кубанская дивизия генерала Улагая оставалась в Святом Кресте).

Развернувшись на линии Александровское – Новосельцы – Преображенское, армейская группа продолжала наступление на юг; 1-й армейский корпус генерала Казановича от Александровского на Саблинское и далее на станицу Александрийскую; 1-я Кубанская дивизия под командованием генерала Крыжановского от Новосельцы на Обильное; части генерала Топоркова от Преображенской вдоль линии железной дороги на Георгиевск. Одновременно с запада генерал Ляхов продолжал теснить противника к Минеральным Водам. Овладев на своем пути селами Солдатско-Александровское и Обильное, части генерала Топоркова и генерала Крыжановского под общим командованием генерала Шатилова стремительно атаковали Георгиевск и после двухдневного боя 8 января овладели городом, перехватив пути отступления Минеральноводской группе красных. Прорвавшиеся из района Минеральных Вод остатки XI красной армии бежали на восток, бросая по пути оружие, пулеметы и обозы.

⁶ См. карту театра военных действий на Северном Кавказе в 1918 г. в конце книги.

Освобождение Терека

С занятием нами Святого Креста и дальнейшим продвижением к югу связь с корпусами из Петровского становилась затруднительной, и я решил перенести штаб на железнодорожную станцию Старомарьевка, откуда мне удобно было поддерживать проволочную связь с войсками. По моей просьбе отряд генерала Станкевича, связь с которым в этом случае была бы затруднительна, переходил в непосредственное подчинение Ставки. На станции Старомарьевка помещение найти было трудно, и я со штабом жил в поезде. В Старомарьевку прибыл назначенный начальником штаба Добровольческой армии генерал Юзефович, о согласии на назначение коего я был запрошен несколько дней до этого и тогда же ответил утвердительно.

Лично с генералом Юзефовичем я едва был знаком, но по репутации знал его за блестящего, большой эрудиции, способного и дельного офицера. Я из Петровского несколько раз говорил с генералом Юзефовичем по прямому проводу. Ему поручил я формировать штаб, и он вел переговоры с намеченными в сотрудники лицами. Краткие, сжатые и определенные изложения и ответы, даваемые генералом Юзефовичем на поставленные ему вопросы, меня чрезвычайно удовлетворили. Составленное мною о генерале Юзефовиче благоприятное представление вполне подтвердилось при личном свидании. В дальнейшей продолжительной совместной работе я имел в его лице драгоценного сотрудника. Обладая большим военным опытом, широкой и разнообразной военной эрудицией, острым и живым умом и огромной трудоспособностью, генерал Юзефович был прекрасным начальником штаба. Впоследствии, во время перенесенной мною тяжелой болезни, ему пришлось продолжительное время командовать армией. Его все время тянуло в строй, летом 19-го года он принял должность командира 5-го кавалерийского корпуса.

На должность генерал-квартирмейстера назначался исполнявший обязанности генерала для поручений при главнокомандующем полковник Кусонский. Должность дежурного генерала была предложена генералом Юзефовичем старому его сослуживцу генералу Петрову. Оба эти офицера оказались вполне на высоте положения и впоследствии были для меня отличными помощниками.

8 января я был уведомлен, что на следующий день главнокомандующий прибывает на станцию Минеральные Воды, куда я наметил перенести мой штаб. Мой поезд прибыл несколькими часами позже поезда генерала Деникина. Последний немедленно по приезде выехал на автомобиле в Кисловодск и ожидался обратно лишь вечером. Последние дни я был нездоров, сильно простудившись, и не оставлял вагона. Генерал Юзефович, встретивший генерала Деникина по возвращении, сообщил мне, что главнокомандующий утром сам зайдет ко мне. При этом он передал мне последние новости: войска, действующие в Каменноугольном районе и в Крыму, предположено было объединить в армию, поставив во главе ее генерала Боровского, с присвоением этой армии названия Добровольческой, вверенная же мне армия получала название Кавказской; гражданское управление на Кавказе предполагалось сосредоточить в руках генерала Ляхова. Известие о предстоящем переименовании моей армии меня очень огорчило. Вся героическая борьба на Юге России, неразрывно связанная со священными для каждого русского патриота именами генералов Корнилова и Алексеева, велась под знаменем «Добровольческой армии». Каждый из нас, сознательно шедший на борьбу, предпочел именно это знамя знаменам Украинской, Астраханской и других армий. Пойдя под это знамя, я решил идти под ним до конца борьбы. Я готов был отказаться от должности командующего Кавказской армией и продолжать командовать корпусом или даже дивизией в составе Добровольческой армии. Я написал генералу Деникину письмо, с полной

искренностью высказав ему эти мысли, и просил генерала Юзефовича вручить это письмо главнокомандующему до нашего с ним свидания.

Утром генерал Деникин зашел ко мне. По его словам, он ценил работу моей армии и понимал то значение, которое могло иметь для частей сохранение того наименования, которое неразрывно связано было с их подвигами. Но в то же время, учитывая, что большая часть «не казачьих» добровольческих полков должна была войти в состав армии генерала Боровского, полагал, что этой армии принадлежит преимущественное право именоваться Добровольческой. Генерал Романовский, со своей стороны, поддерживал точку зрения главнокомандующего. Я предложил генералу Деникину сохранить за обеими армиями дорожное войскам название добровольческих, добавив к нему наименование по району действий армий.

В конце концов моя армия получила название Кавказской Добровольческой, а армия генерала Боровского – Крымско-Азовской Добровольческой.

10 января я вступил в командование армией.

На следующий день генерал Деникин вернулся в Екатеринодар, а я горячо принялся за работу. Еще в первые дни смуты на Минеральные Воды бежало из главных городов России большое число зажиточных и принадлежащих к верхам армии и бюрократии лиц. Все они, особенно за последнее время владычества красных, подвергались жестокому преследованию. По мере приближения наших войск красный террор усиливался, свирепствовали обыски и расстрелы. В числе расстрелянных оказались и бывший главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский, и герой Галиции генерал Радко-Дмитриев. Кто лишился мужа, кто сына или брата. Большинство потеряли последнее свое достояние. Теперь эти несчастные, не смея верить еще в свое избавление и ежечасно ожидая возвращения врага, спешили пробраться в тыл, забивая вокзалы и вагоны. В Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и Минеральных Водах осталось значительное число большевиков, не успевших бежать с красными войсками и ныне стремившихся пробраться поглубже в тыл, надеясь там, не будучи известными, надежно укрыться. Установить необходимый контроль было чрезвычайно трудно. С наступлением зимы в рядах Красной армии стал свирепствовать сыпной тиф. При отсутствии порядка и правильно организованной медицинской помощи эпидемия приняла неслыханные размеры. За переполнением больниц тифозные заполняли дома, вокзалы, стоявшие на запасных путях вагоны. Умершие в течение нескольких дней оставались среди больных. Лишенные ухода, предоставленные самим себе, больные в поисках пропитания бродили до последней возможности по улицам города, многие, потеряв сознание, падали тут же на тротуары. Я привлек к работе все местные и имевшиеся ранее в моем распоряжении медицинские силы. Приказал очистить от больных и продезинфицировать вокзалы и вагоны, открыл ряд новых лазаретов и госпиталей, используя пакгаузы, кинематографы и т. п.

Между тем 1-й конный корпус, неотступно идя на плечах противника, непрерывно продвигался вперед, захватывая пленных, орудия, пулеметы и обозы. Спеша нагнать свой корпус, проехал через Минеральные Воды генерал Покровский. Я беседовал с ним. Беседа эта подтвердила сложившееся у меня о нем мнение. Это был безусловно человек незаурядного ума и большой выдержки. Я знал, что он предупрежден о моем недоброжелательном к нему отношении, и тем более оценил спокойную, независимую и полную достоинства его манеру себя держать. Пробыв несколько дней в Екатеринодаре, вернулся в Минеральные Воды генерал Деникин. С ним приехал помощник его по гражданской части генерал Драгомиров; одновременно прибыл и генерал Ляхов.

Генерал Деникин пригласил меня и генерала Юзефовича на имеющее у него быть под его председательством военное совещание. Кроме меня и генерала Юзефовича присутствовали генералы Романовский, Драгомиров и Ляхов. Главнокомандующий ознакомил нас

с общим положением на фронте наших армий и своими дальнейшими предположениями. Освобождающиеся за очищением Северного Кавказа от красных части Кавказской армии предполагалось перебросить в Каменноугольный район, занятый ныне частями генерала Май-Маевского, с тем чтобы в дальнейшем, заслонившись по линии Маныча слабым заслоном, главными силами развивать действия в общем направлении на Харьков. Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговой, с тем чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии, действовать вдоль линии Царицынской железной дороги на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам Каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим. Генерал Юзефович поддерживал меня.

Мои и генерала Юзефовича доводы успеха не имели, и главнокомандующий оставил в силе свое решение перебросить освободившиеся части моей армии на Донецкий фронт.

Генерал Покровский, став во главе корпуса, продолжал гнать противника. Последний делал отчаянные усилия задержать наше победное движение и тем спасти себя от окончательного разгрома. В боях под Моздоком, станицами Мекенской и Калиновской последние остатки некогда грозной своим числом и средствами 150 000-й армии были окончательно разгромлены. Немногие конные части, ища спасения, рассеялись по Астраханской степи. Вся же пехота, артиллерия, пулеметы и обозы попали в наши руки. Брошенные противником составы тянулись непрерывной лентой от станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст. Весь путь отступления красных был усеян брошенными орудиями, повозками, оружием, трупами убитых и умерших от болезней. В руки нашей конницы попало 8 бронепоездов, более 200 орудий, более 300 пулеметов и свыше 31 000 пленных. Наша конница подходила к Кизляру, разъезды ее достигли берегов Каспийского моря. За двенадцать дней преследования конница генерала Покровского прошла свыше 350 верст.

Получив известие о занятии нашими передовыми частями Кизляра, я решил проехать к генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проехал поездом до станции Узловой, далее путь оказался неисправным, и я продолжал путешествие на автомобиле. На всем пути из окна вагона видели мы следы беспорядочного, стихийного отступления Красной армии. Тянувшийся вдоль железнодорожного пути тракт был усеян брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На остановках железнодорожные станции и дома были набиты больными и ранеными. По мере продвижения вперед картина разгрома противника выявлялась все ярче.

Начиная от Моздока до станиц Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обозами, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огромные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными, землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партии пленных, в значительном числе состоявших из больных, оставляли за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашел в железнодорожную будку. В маленькой, в пять-шесть квадратных аршин, комнате лежали на полу, плотно прижавшись друг к другу, восемь человек. Я обра-

тился с вопросом к ближайшему, ответа не последовало. Наклонившись к нему, я увидел, что он мертв. Рядом лежал такой же мертвец, далее то же. Из восьми человек было семь трупов. Восьмой был еще жив, но без сознания. К груди своей, ища тепла, он плотно прижимал облезшую, худую собаку.

На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Сбежавшееся из соседних деревень население растаскивало грузы. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов лежали забившиеся в вагоны больные, вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвецов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, окоченевшими в разнообразных позах мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда, вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять все это было некому, и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов, вероятно от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов, и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей.

Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор к станичному правлению казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и, пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

– Куда идете, хлопцы?

– Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчерась семерых убил, – в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...

Нагнав генерала Покровского на походе к Кизляру, куда он в этот день переносил свой штаб, я отдал ему распоряжение оставаться с частью сил в Кизлярском отделе, а прочие силы направить под командой генерала Шатилова на юг, к устью реки Суджи, с целью перехватить бегущую от Владикавказа XII армию красных. Поблагодарив полки, я в тот же день выехал обратно в Минеральные Воды.

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра часть его конницы заняла город Грозный. В то же время Кавказская казачья дивизия недавно произведенного в генералы Шкуро и пластуны генерала Геймана после упорного боя овладели Владикавказом и начали очищение плоскостных ингушских аулов, где держались еще части XII красной армии, действовавшей в Суджинском отделе. Прижатые к Кавказскому хребту красные пытались прорваться к морю долиною реки Суджи. Подоспевшие части генерала Шатилова успели их перехватить; в жестоких боях под станицами Самашинской, Михайловской и

Слепцовской окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездов, всю его артиллерию и более 10 000 пленных.

Северный Кавказ был освобожден. Армии генерала Деникина отныне имели обширную базу, бесконечно богатую местными средствами, огромным запасом людей и всем необходимым для обеспечения широких операций его войск.

Через несколько дней по возвращении из поездки моей к Кизляру я вновь занемог. Поднялась температура, сильная головная боль не оставляла меня целые дни. Несколько дней я перемогал себя, оставался на ногах и продолжал заниматься делами. Однако вскоре должен был слечь. По прошествии нескольких дней выяснилось, что я заболел сыпным тифом, который свирепствовал кругом. Совсем больной переехал я в Кисловодск, где подготовлены были помещения для меня и штаба, нашел в себе еще силы проехать в автомобиле с вокзала на отведенную мне дачу и подняться во второй этаж. В тот же вечер я стал временами терять сознание. Жар поднимался, меня душили страшные кошмары. Ко всему этому прибавились повторившиеся сердечные спазмы, бесконечно мучительные. Генерал Юзефович и его жена в эти дни проявили ко мне трогательную заботливость. Я был прекрасно обставлен, для лечения были приглашены профессор Ушинский и в помощь ему несколько врачей, поочередно дежуривших. Через несколько дней прибыл вызванный из Екатеринодара известный бактериолог профессор Юрьевич.

Генерал Юзефович вызвал телеграммой из Крыма мою жену. Она нашла меня в положении очень тяжелом. Я с трудом узнал ее и через несколько часов после ее приезда впал в полное беспамятство. Положение мое все ухудшалось. На пятнадцатый день болезни оно стало почти безнадежным. Врачи отчаялись спасти меня. Профессор Юрьевич предупредил жену, что она должна быть готова к худшему. Генералу Юзефовичу доктора объявили, что едва ли я доживу до утра. Жена решила пригласить священника исповедовать и причастить меня. В дом доставлена была пользовавшаяся большим почетом жителей Чудотворная икона Божией Матери. Я был без сознания, и исповедь могла быть только глухая. Однако во время исповеди я неожиданно пришел в себя, в полном сознании исповедовался и приобщился, но после причастия вновь впал в беспамятство. Отслужив молебен, батюшка ушел, а жена осталась у моего изголовья, ежечасно ожидая моей смерти.

Я беспрерывно бредил, вдруг начинал командовать, отдавать боевые распоряжения. Иногда бред становился совершенно бессвязным и я бесконечно повторял одно какое-нибудь слово. К утру я окончательно изнемог.

Неожиданно к вечеру шестнадцатого дня болезни температура стала падать, на семнадцатый день наступил кризис и я был спасен. Спасению своему я, конечно, обязан тому исключительному уходу, которым был окружен, и главным образом беззаветному самоотвержению жены, не отходившей от меня за все время моей болезни.

Выздоровление было длительно и мучительно. Я был страшно слаб, сильно болели ноги. Лишь в середине марта смог я перейти из постели в кресло. В первые дни начала выздоровления я получил чрезвычайно сердечное письмо от генерала Деникина. Он поздравлял меня с избавлением от смертельной опасности и посылал пожелания скорейшего полного выздоровления. Письмо было чрезвычайно теплое и искренно меня растрогало. Зная, что я стеснен в средствах и что лечение мое стоило больших денег, генерал Деникин отдал генералу Юзефовичу распоряжение покрыть расходы по лечению моему из казенных средств. С большим трудом смог я написать генералу Деникину ответ. Я несколько раз должен был прерывать письмо, не находя в себе силы его окончить.

Как в дни моей болезни, так и в период выздоровления я был предметом самого трогательного внимания как со стороны всех меня окружавших, так и со стороны моих старых соратников и даже совсем чужих людей. Лечившие меня врачи, значительная часть разного рода поставщиков решительно отказывались от всякого вознаграждения за свои услуги.

Многие совсем неизвестные мне лица присылали мне вино, фрукты и т. д., справлялись о моем здоровье и выражали готовность помочь, чем могут. Целый ряд освобожденных мною станиц Кубанского и Терского войска постановлением своих станичных сборов избрали меня своим почетным казаком. Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада в заседании своем 13 февраля наградила меня вновь учрежденным крестом Спасения Кубани 1-й степени.

Переброска моей армии в Донецкий каменноугольный район заканчивалась. В районе Святого Креста оставался генерал Улагай с частью полков своей дивизии, а в Дагестане части генерала Шатилова довершали очищение аулов от красных. Штаб армии переносился в Ростов-на-Дону. Туда же отбыл командовавший за моей болезнью армией генерал Юзефович, оставив при мне чинов моего личного штаба и часть конвоя. Врачи настаивали на необходимости для меня отдыха где-либо на берегу моря. В двадцатых числах марта я с женою выехал из Кисловодска в Сочи. За два дня до отъезда из Кисловодска я получил телеграмму о ранении Шатилова. Шатилов эвакуировался в Екатеринодар, а в командование его отрядом вступил генерал Драценко.

На одной из станций я нагнал санитарный поезд. В отдельном вагоне находились раненые генерал Шатилов и доблестный командир 1-го Запорожского полка полковник Павличенко. Я прошел навестить их. Генерал Шатилов был ранен в ногу, рана была не опасна, но весьма мучительна. Полковник Павличенко был жестоко изранен в рукопашной схватке с чеченцами. Он получил семь пулевых и шашечных ран. Голова, руки и ноги его были забинтованы. К счастью, ни одна из ран не была серьезна. Павличенко, выслужившийся из простых казаков, был офицер совершенно исключительной доблести и громадного порыва. Он был ранен несчетное число раз, и левый рукав его черкески был покрыт выше локтя нашивками за ранения.

В Сочи для меня отведена была прелестная дача на самом берегу моря. Несмотря на раннее время года, весна на побережье была в полном ходу.

Теплый весенний воздух был напоен ароматом цветов и трав; я целые дни пролеживал на солнце, отъедался и отсыпался, быстро восстанавливая утерянные силы. Газеты приходили редко, но я имел возможность быть сравнительно хорошо осведомленным, так как был связан прямым проводом со штабом генерала Юзефовича; последний, кроме того, часто писал мне. Он препроводил мне, между прочим, копию рапорта своего генералу Деникину, в коем он вновь настаивал на необходимости развить операции наши на Царицынском направлении, стремясь выйти на соединение с войсками адмирала Колчака, победоносно подходившего к Волге. Соображения генерала Юзефовича я разделял полностью и решил при личном свидании с генералом Деникиным вновь поднять этот вопрос.

Пребывание мое в Сочи оказалось непродолжительным. Дела на нашем фронте начинали портиться. Красные, оттеснив войска генерала Боровского в Крым, овладели перешейками и ворвались на полуостров. Одновременно окончательно испортившиеся между нашим главным командованием и грузинами отношения грозили открытым разрывом, со дня на день можно было ожидать столкновения в районе наших передовых частей у Адлера. В горах к северу от Сочи, по донесению местной стражи, накапливались руководимые грузинами шайки дезертиров и уклоняющегося от мобилизации сброда, именовавших себя «зелеными».

Регулярные грузинские части еще соблюдали нейтралитет, но руководимые грузинами «зеленые» уже явно действовали агрессивно. Ряд стражников наших был обезоружен, и несколько горных поселков в 10–15 верстах к северу от Сочи были захвачены зелеными. Начальник Сочинского гарнизона (последний состоял из одной батареи и нескольких сборных рот) просил меня выслать разъезд от моего конвоя для разведки. Я охотно исполнил его просьбу, выслав офицера с десятью казаками. Последние в двенадцати верстах к северу от города имели перестрелку, причем мы потеряли одного казака и двух лошадей убитыми.

Для оттеснения «зеленых» был выдвинут начальником гарнизона сборный отряд под начальством причисленного к Генеральному штабу штабс-ротмистра Чайковского. Экспедиция эта оказалась неудачной. Штабс-ротмистр Чайковский был убит, и отряд, потеряв много убитых и раненых, был оттеснен к самому городу. По получении донесения о положении у Сочи Ставка распорядилась высылкой Сочинскому гарнизону подкреплений. Я получил уведомление, что за мною, распоряжением Главнокомандующего, высылаются миноносец. Железная дорога находилась уже под угрозой. Однако, имея с собой несколько чинов моего штаба, большей частью с семьями, людей и лошадей своего конвоя, я не мог оставить их. Я решил, отказавшись от возможности выехать морем, попытаться проехать поездом. Срочно собрав всех, я с наступлением темноты проехал в город. В течение ночи мы погрузились и в полной темноте, с потушенными огнями, имея на паровозе два пулемета, тронулись в путь. В семи-восьми верстах от города поезд наш был обстрелян постом «зеленых», однако путь был еще в исправности, и мы успели благополучно проехать в Туапсе, по прибытии куда узнали, что железнодорожная линия к северу от Сочи уже захвачена противником.

Я решил ехать в Екатеринодар и по дороге побывать в ряде станиц Лабинского отдела: Петропавловской, Михайловской, Константиновской, Чамлыкской, почетным казаком коих я был недавно избран. Отцепив свой вагон на станции Курганная и отправив в Ростов большую часть чинов штаба и конвой, я в течение трех дней объехал верхом в сопровождении адъютанта окрестные станицы, столь памятные нам по прошлогодним тяжелым боям. Тепло и сердечно встречали меня казаки, подолгу беседовал я со станичными сборами, обедал со стариками в станичном правлении, осматривал школы, училища и лечебные заведения. Пронесшаяся над краем гроза, казалось, не оставила никакого следа. Жизнь вошла в обычный уклад, и огромные богатые станицы успели оправиться. Все дышало довольством и благодушием. Казаки очень интересовались общим нашим положением, подробно меня обо всем расспрашивали. Я лишней раз убедился, насколько общий умственный уровень Кубанских казаков сравнительно высок. Многие из стариков жаловались мне на то, что в Екатеринодаре «наше правительство и рада зря болтают».

На шестой неделе Великого поста я прибыл в Екатеринодар. Мне было отведено помещение в атаманском дворце. Поездки по станицам меня сильно утомили, ноги опухли, и профессор Юрьевич, которому я по приезде показался, уложил меня в постель; я съездил лишь к генералу Деникину и побывал в штабе.

Главнокомандующий сердечно встретил меня, расцеловал, подробно расспрашивал меня о здоровье, о моей семье, просил не торопиться принимать армию, убеждая закончить лечение. При нашем свидании присутствовали несколько лиц, и о делах нам говорить не пришлось.

Несмотря на падение Крыма, в котором общественное мнение единодушно обвиняло генерала Боровского, на осложнение с Грузией и на тяжелые и малоуспешные для нас бои в каменноугольном бассейне, в Ставке настроение было чрезвычайно оптимистическое. Начальник штаба, генерал-квартирмейстер и прочие лица, с коими пришлось мне беседовать, казалось, уделяли военным операциям второстепенное значение. Все интересы и разговоры вертелись вокруг политики.

Обещанная иностранцами широкая помощь уже начинала сказываться. В Новороссийск непрерывно прибывали груженые артиллерийским и инженерным имуществом, обмундированием и медикаментами пароходы. В ближайшее время ожидалось прибытие большого числа аэропланов и танков. На всем освобожденном Кавказе прочно устанавливалась власть главного командования. Ингушетия и Дагестан были окончательно замиренены. Непрерывавшаяся глухая внутренняя борьба между главным командованием и Доном закончилась победой генерала Деникина. непокорный генерал Краснов только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому; последний, мягкий человек, явился послушным

орудием Ставки. На Кубани и Тереке власть главного командования была почти неограниченной. Правда, в Екатеринодаре между Ставкой и местной властью в лице атамана и правительства не обходилось без трений.

Атаман генерал Филимонов горько жаловался мне на чинимые генералом Деникиным кубанцам незаслуженные обиды, на постоянно подчеркиваемое Ставкой пренебрежительное отношение к нему и местным властям. На то же горько сетовал и походный атаман генерал Науменко, указывая, что, признав наравне с Доном автономию и прочих казачьих новообразований, главное командование в то же время сплошь и рядом по отношению к Кубани нарушает свои обязательства. В то время как Дон имел свою Донскую армию, подчиненную генералу Деникину лишь в оперативном отношении, Кубань, пославшая на защиту родины большую часть своих сынов, этого права была фактически лишена. В то время как в Донской армии назначения, производства исходили непосредственно от атамана, в Кубанских частях это право оставлял за собой генерал Деникин. Эти жалобы имели, несомненно, некоторое основание. Для единства действий и успешности нашей борьбы главное командование в отношении подведомственных ему войск должно было располагать полной мощностью. Двойственное подчинение казачьих частей, несомненно, создавало немало затруднений. Однако принцип полного и единоличного подчинения казаков необходимо было бы провести в жизнь в равной степени как в отношении Кубани и Терека, так и Дона. Нахождение же в рядах Вооруженных сил Юга России казачьих частей, хотя бы и разных войск, на различных основаниях представлялось, несомненно, несправедливым и должно было быть чревато последствиями.

Однажды, в то время как у меня сидел генерал Эрдели, ожидавший назначения Главноначальствующим Северного Кавказа, взамен генерала Ляхова, меня зашел навестить генерал Романовский. Во время разговора он затронул вопрос о казаках и стал с видимым раздражением жаловаться на «происки и интриги кубанцев». Я с полной откровенностью высказал ему мой взгляд на необходимость в интересах общего дела уравнивать права отдельных казачьих войск. Существование отдельных казачьих армий в оперативном, да и в других отношениях, несомненно, крайне усложняет дело, «однако если тем не менее вы находите необходимым оставить за Доном право иметь свою армию, то и Кубань и Терек должны иметь это право. В противном случае вы не оберетесь упреков в пристрастии и несправедливости и дадите повод справедливому неудовольствию». Генерал Эрдели горячо меня поддерживал. Наши доводы, видимо, несколько поколебали генерала Романовского. Внимательно выслушав нас, он не возражал и вскоре перевел разговор на другую тему.

Не только в отношении казаков, но и всех тех, кто непререкаемо и безоговорочно не принимал политику главного командования, Ставка проявляла какую-то нетерпимость. Провозгласив лозунг «Единая, Великая и Неделимая Россия», по существу, туманный и неопределенный, Главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что, казалось ему, идет вразрез с исповедуемой им истиной. К казакам огульно пристегивалась кличка «самостийников». Самостийниками объявлены были и все те, кто еще недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных, горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за освобождение отечества, на каком бы клочке Русской земли эта борьба ни велась. Высшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в Ставке на них смотрели едва ли не как на предателей, они брались под подозрение, и дальнейшая служба их допускалась лишь по прохождении особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно.

Войска адмирала Колчака подходили к Волге, противник, сосредоточив силы на Восточном фронте, делал тщетные попытки удержать продвижение сибирских корпусов. Весенняя распутица должна была неминуемо временно приостановить операции на Восточ-

ном фронте. На юге наши части за последние четыре месяца не достигли существенных успехов. На Маныче всю зиму шли бои с переменным успехом. Наши части по-прежнему занимали южный берег Маныча. Донецкий каменноугольный район продолжал удерживаться нами, однако значительных успехов нам здесь также достигнуть не удалось. С оставлением Крыма наши левофланговые части отошли к востоку от Мариуполя. В Ставке были недовольны действиями генерала Юзефовича. Об этом говорили мне и генерал Деникин, и генерал Романовский. Оба они высказали уверенность, что со вступлением моим в командование армией операции наши разовьются успешнее.

Я по-прежнему не сочувствовал принятому Ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных. Умный и проницательный А.В. Кривошеин, часто навещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера. Я отстранял от себя эти подозрения, но объяснения образу действий Ставки найти не мог. Все попытки мои говорить на эту тему с генералом Романовским оказались бесплодны, он явно уклонялся от обсуждения этого вопроса. Я подал Главнокомандующему рапорт:

«Секретно.
Командующий
Кавказской Добровольческой
Армией
4 апреля 1919 года. № 82.
Г. Екатеринодар.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России.
РАПОРТ

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить следующие мои соображения:

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением, полагаю, должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица, и, вопреки провокационного заявления Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса – Ст. Гундоровская, чем прикрывается жел. дор. Новочеркасск – Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта, занимаемого ныне до Гундоровской) даст

возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовать их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конной массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант Врангель».

На первый день праздника атаман давал в мою честь музыкальный вечер, участвовали несколько артистов и прекрасно пел Кубанский войсковой хор. На вечере в числе прочих присутствовал прибывший с фронта генерал Шкуро. Накануне он был у меня и сообщил мне, что в ближайшие дни ожидает обещанный ему Главнокомандующим корпус. Ставка усиленно выдвигала генерала Шкуро, рассчитывая, по-видимому, использовать его для борьбы с самостийными казачьими течениями. Правда, в известной части казачества генерал Шкуро был популярен. Популярность эта приобреталась им главным образом игрой на низменных инстинктах казаков. В широкой массе казачества имя генерала Шкуро уважением не пользовалось, и мне непонятно было, как главное командование могло надеяться найти в нем крепкого и верного союзника.

В военном отношении, как крупный начальник, он проявлял полную неподготовленность и отсутствие широких дарований, являясь лишь способным партизаном.

В Екатеринодаре явился ко мне прибывший из Сибири посланцем от атамана Семенова есаул Миллер. Миллер, бывший офицер Нерчинского казачьего полка, при мне служил в полку одновременно с Семеновым. Ныне он прибыл с письмами от последнего к Главнокомандующему. Между адмиралом Колчаком и Семеновым были значительные несогласия, и Семенов, командуя Миллера, надеялся найти поддержку в генерале Деникине. От Миллера узнал я все подробности возглавляемой Семеновым борьбы казаков на Дальнем Востоке.

За несколько месяцев до революции Семенов в числе других офицеров, знающих монгольский язык, был командирован в Забайкалье для формирования инородческих частей. Там застал его и большевистский переворот. Отказавшись подчиниться местным представителям советской власти, Семенов начал партизанскую войну против большевиков, поддержанный местными промышленными кругами, главным образом владельцами приисков, щедро снабжавшими его средствами. К Семенову стали стекаться, избегая беспощадной расправы красных, многочисленные добровольцы. В конце семнадцатого года стали прибывать в Забайкалье отправленные туда после неудачного наступления частей генерала Краснова на Петроград полки Уссурийской дивизии. Большая часть офицеров и значительная часть казаков и солдат присоединилась к Семенову. Начальник Уссурийской дивизии генерал Хрещатицкий первый подал пример добровольного подчинения младшему, согласившись принять должность начальника штаба Семенова, выбранного поднявшимися забайкальцами атаманом. Примеру Хрещатицкого последовали остальные офицеры дивизии. Семенову удалось войти в связь с японцами, оказавшими ему значительную поддержку. За забайкальцами поднялись уссурийцы и амурцы. Силы Семенова росли и крепились, и вскоре он, стоя во главе трех войск, стал фактическим хозяином Восточной Сибири. Появление адмирала Колчака неожиданно ставило предел честолюбивым планам атамана. Последний, усмотрев в действиях адмирала Колчака посягательство на свои права, отказался подчиниться Верховному правителю, за что последним был отрешен от должности и предан суду. Решив продолжать с Верховным правителем борьбу, Семенов стал перехватывать следующие в сибирские армии

грузы, грозя совсем отрезать армии от Приамурья. Ища поддержки, Семенов обратился к атаману Оренбургского войска Дутову. Однако последний решительно отказался его поддержать. Теперь Семенов думал найти опору в генерале Деникине. Я самым резким образом высказал Миллеру мое негодование на действия его начальника, о чем просил его довести до сведения Семенова.

Через несколько дней генерал Романовский сообщил мне, что генерал Деникин решительно отказался поддержать домогания Семенова. Я предложил генералу Романовскому со своей стороны, как бывший начальник Семенова, послать ему телеграмму, побуждая его выполнить свой долг в интересах общего дела. К моему предложению генерал Романовский отнесся весьма сочувственно. Тут же составил я и вручил ему телеграмму, копию с коей послал есаулу Миллеру. Телеграмма была написана в весьма резких выражениях – зная Семенова, я знал, что это окажется наиболее действительным: «До сих пор я гордился тем, что некогда командовал славными Нерчинцами, теперь стыжусь, узнав, что среди них оказался изменник общему делу...», далее я убеждал Семенова отказаться от личных интересов для пользы общего дела и подчиниться Верховному правителю. Мне неизвестно, была ли когда-либо получена моя телеграмма атаманом Семеновым, последний вскоре изъявил готовность подчиниться адмиралу Колчаку и в дальнейшем продолжал бороться под его начальством. За несколько дней до смерти адмирал Колчак передал Семенову полноту военной и гражданской власти в Сибири.

В двадцатом году, во время борьбы моих войск в Крыму, Семенов известил меня о готовности подчиниться мне.

Кажется, 12 апреля я, зайдя утром в штаб в отделение генерал-квартирмейстера, узнал, что противник крупными массами перешел на Манычском фронте в наступление, форсировал Маныч и продолжал наступление на Торговую. Занимавшие этот участок нашего фронта донцы, под начальством генерала Мамонтова, понесли жестокие потери и, оставив большую часть своей артиллерии в руках противника, отходили на запад. Мои предсказания пророчески сбылись. Я зашел к генерал-квартирмейстеру, где застал генерала Романовского. Для обоих, видимо, это событие было совершенно неожиданным, и они были им весьма смущены. На следующий день события продолжали грозно развиваться. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге. Наши части отходили, почти не оказывая сопротивления. Сам генерал Мамонтов, видимо, потерял дух и доносил, что казаки «разложились» и что он бессилен что-либо сделать.

13-го вечером я уже лег спать, когда меня разбудили, сообщив, что генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик желают меня видеть. Полученные с фронта известия были грозны. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге, угрожая отрезать Кавказскую Добровольческую армию от ее базы. В резерве у генерала Юзефовича свободных частей не было. Необходимо было принять срочные меры, дабы остановить дальнейшее продвижение врага. Генерал Романовский спросил меня, соглашусь ли я принять командование над войсками Манычского фронта; через несколько дней он надеялся иметь возможность усилить эти части кубанцами генерала Покровского⁷, снятыми с фронта Кавказской Добровольческой армии. Во главе последней, по предложению генерала Романовского, должен был оставаться генерал Юзефович, мне же надлежало сформировать новый полевой штаб.

С предложенным мне решением я согласиться не мог. Я считал, что намеченных генералом Романовским сил (сборный, слабой численности и состава отряд из трех родов войск

⁷ 1-я конная дивизия генерала Шатилова была изъята из состава 1-го конного корпуса и оставалась в Дагестане. Генерал Покровский объединял действия 1-й Кубанской дивизии и одной из Донских.

генерала Кутепова, оперировавший в районе станции Торговой, небоеспособные части генерала Мамонтова и имеющая прибыть слабая численностью 1-я Кубанская дивизия) для предстоящей операции недостаточно. Нецелесообразным считал я и создание нового полевого штаба. С таким случайным, наспех созданным штабом и сборными не знакомыми мне войсками я не мог рассчитывать на успех. Со своей стороны, я предложил генералу Романовскому спешно сосредоточить на участке Владикавказской дороги Ростов – Тихорецкая весь 1-й конный корпус, сняв с фронта Кавказской Добровольческой армии кубанцев генерала Покровского и, сверх того, спешно перебросить туда же из Дагестана 1-ю конную дивизию генерала Шатилова, весьма сильную численно и качественно. Для объединения действий Манычской группы я предлагал использовать штаб моей Кавказской Добровольческой армии, остающиеся же, за выделением 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского, на фронте армии Добровольческий корпус, Сводный (терцы и кубанцы) генерала Шкуро и оперировавший в районе Мариуполя отряд генерала Виноградова объединить в руках командира Добровольческого корпуса генерала Май-Маевского. Генерал Романовский со мной не согласился, считая, что намеченных им сил вполне достаточно для восстановления нашего положения, а что отъезд генерала Юзефовича со штабом армии из Ростова «вызовет в Ростове панику», что может быть чревато последствиями. При этих условиях я категорически отказался от принятия командования над войсками Манычского фронта, в то же время, ввиду серьезности положения на фронте, я решил немедленно ехать в Ростов и вступить в командование моей армией.

Начальник штаба и генерал-квартирмейстер продолжали настаивать. Генерал Романовский заметил, что мой отказ поставит Главнокомандующего в необходимость самому принять на себя непосредственно руководство Манычской операцией. Я заметил, что решения своего не изменю, что, по совести, не могу взяться за дело, которое считаю для себя при настоящих условиях непосильным. «Главнокомандующий, имеющий полную мощь, – добавил я, – в случае, если он лично станет во главе операции, будет иметь возможность принять все меры для того, чтобы обеспечить успех операции, и я не сомневаюсь, что он убедится в необходимости тех мер, которые я предлагаю». Генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик, видимо недовольные, ушли, причем генерал Романовский просил меня на следующий день утром быть у Главнокомандующего.

В десять часов утра я был у генерала Деникина, где застал начальника штаба. Генерал Деникин был, видимо, уже в курсе дела и спросил меня, «не надумал ли я что-нибудь». Я вновь подтвердил, что не считаю себя в силах справиться с поставленной генералом Романовским задачей, и просил разрешения немедленно вернуться к моей армии. Генерал Деникин не настаивал. В тот же вечер я выехал в Ростов.

7 1-я конная дивизия генерала Шатилова была изъята из состава 1-го конного корпуса и оставалась в Дагестане. Генерал Покровский объединял действия 1-й Кубанской дивизии и одной из Донских.

Глава II. На Москву

На Дону

В Ростове на вокзале я встречен был генералом Юзефовичем с чинами штаба. Почетный караул был выставлен от сводного полка 12-й кавалерийской дивизии. Полк формировался в Ростове. Караул был отлично одет, люди выглядели молодцами.

Оккупированная французскими войсками, после падения гетманской власти на Украине, Одесса неожиданно в конце марта была французами оставлена. Одновременно с французами бежал из Одессы и штаб формируемой с благословения французского генерала Franchet d'Espaire «Народной Русской армии» во главе с ее инициатором генералом Шварцем. В числе его ближайших помощников оказался и генерал Бискупский, долженствовавший занять пост инспектора кавалерии и обратившийся из украинского «генерального хорунжего» в генерала «Демократической русской армии».

С оставлением Крыма штаб генерала Боровского был расформирован; сам же генерал Боровский получил назначение начальником Закаспийской области. Он так и не успел туда попасть, ограничив поле дальнейшей своей деятельности рестораном гостиницы «Палас». Объединенные под начальством генерала Шиллинга наши крымские части, при поддержке мощной артиллерии союзного флота, продолжали удерживать Керченский перешеек. В каменноугольном бассейне, в районе Андреевка – Ясиноватая – Криничная, героически сражались обескровленные многомесячной борьбой добровольцы генерала Май-Маевского. Полки его корпуса после ряда тяжелых потерь насчитывали каждый 400–500 человек. Противник продолжал настойчиво пытаться овладеть важным для него каменноугольным районом. Однако, несмотря на огромное превосходство, все же не мог оттеснить геройские полки Добровольческого корпуса. На левом фланге последнего в районе Волноваха – Мариуполь действовал слабый численно сборный отряд из трех родов оружия под начальством генерала Виноградова, имея против себя незначительные силы красных. На правом фланге генерала Май-Маевского только что сосредоточился после удачного рейда в тыл противника Сводный конный корпус в составе Кавказской (Кубанской) и 1-й Терской казачьих дивизий. Корпусом временно командовал начальник Кавказской дивизии генерал Шкуро.

Во главе дивизий стояли: Кавказской – временно замещающий генерала Шкуро командир одной из бригад генерал Губин, бывший мой сослуживец по Уссурийской дивизии; Терской – доблестный генерал Топорков. Последний, недавно на эту должность назначенный, имел уже в дивизии ряд блестящих дел, был тяжело ранен и ко времени моего приезда в Ростов отсутствовал. Правофланговые части генерала Шкуро держали связь с Донской армией, действовавшей на правом берегу реки Донца, к югу от Луганска. 1-я Кубанская дивизия была оттянута в тыл для переброски на фронт Маньча. Генерал Покровский со штабом ожидался в Ростове на следующий день. Он должен был объединить действия 1-й Кубанской и спешно направлявшейся на Маньчский фронт с Кавказа, только что окончившей формирование 2-й Терской казачьей дивизии. Сосредоточение корпуса намечалось в районе станции Батайск.

Впредь до прибытия в район сосредоточения частей генерала Покровского важнейший ростовский узел с юга ничем не прикрывался. Кроме не закончившего формирования сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, необходимого для поддержания порядка в самом городе, свободных резервов в распоряжении штаба армии не было. Донские части генерала Мамонтова окончательно потеряли всякую боеспособность, «совершенно разложились», как доносил сам генерал Мамонтов. Перед наступающей конницей красных казаки, бросая

артиллерию и оружие, бежали за Дон. Высланный для наблюдения переправы у станицы Ольгинской разезд ординарческого эскадрона под начальством хорунжего Гриневича доносил о движении разездов красных в направлении на Батайск.

Забитый многочисленными армейскими и правительственными учреждениями, громадный торговый и промышленный центр Ростов был объят паникой. В самом городе было беспокойно и, по сведениям штабной и местной, донской, контрразведок, можно было со дня на день ожидать выступления местных большевиков. Я принял меры к ускорению переброски эшелонов Кубанской дивизии. Выслал для прикрытия Батайска бронепоезд. Назначил на утро совещание для принятия мер по охране города, пригласив на него командующего войсками округа, донского генерала Семенова, заведующего донской контрразведкой полковника Сорохтина, начальника контрразведки штаба армии ротмистра Маньковского, коменданта города и коменданта главной квартиры. Доклады всех этих лиц только подтвердили доложенное мне накануне генералом Юзефовичем. На окраинах города, в рабочих кварталах и особенно в Затемерницком поселке, издавна пользовавшемся дурной славой, было беспокойно. Имелись сведения о прибытии в город целого ряда большевистских агентов и намерении последних при содействии местных большевиков вызвать ряд выступлений в городе. В распоряжении обеих контрразведок имелся ряд сведений об отдельных агентах большевиков. Я приказал в ту же ночь арестовать всех намеченных контрразведкой лиц. Несмотря на возражения некоторых из присутствовавших, что эти аресты могут вызвать волнения и что сил, имеющихся в распоряжении штаба, для поддержания в этом случае порядка в городе недостаточно, я настоял на своем, считая, что только решительные действия власти могут еще заставить считаться с ней. В ту же ночь было арестовано до семидесяти человек. Среди них занимавший довольно видное положение в городе присяжный поверенный Ломатидзе. Последнего в числе шести наиболее видных большевистских деятелей я немедленно предал военно-полевому суду, приговорившему их к смертной казни. Несмотря на ряд обращенных ко мне ходатайств отдельных лиц и общественных групп о смягчении участи осужденных (главным образом ходатайствовали об имеющем значительные связи в городе Ломатидзе), я остался непреклонен. Через день после ареста приговор был приведен в исполнение. Решительность, проявленная властью, несомненно, возымела действие. Ни в эти дни, ни после никаких выступлений в городе не было.

На следующий день по прибытии моем в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Мамонтовым. Последний, высокий, статный, бравого вида генерал, в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, казаки совсем «вышли из рук» и у него не оставалось даже нескольких человек для посылки в разезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов. К счастью, противник преследовал весьма вяло и, видимо, не отдавал себе отчета в нашей беспомощности. В Ростове явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамонтова, приказав, не стесняясь мерами, привести их в порядок. Следом за головным эшелоном стали прибывать эшелоны кубанцев. Через два дня положение стало уже менее грозным. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросив на широком фронте разведку, дали возможность осветить обстановку. Расстреляв несколько дезертиров, генерал Покровский кое-как остановил и стал приводить в порядок деморализованные донские полки. С Кавказа подходили эшелоны с терцами.

Генерал Деникин, прибыв из Екатеринодара, лично принял на себя руководство войсками Манычской группы. Генерал Покровский, объединив командование 1-й Кубанской, 2-й Терской дивизиями и несколькими полками донцов, перешел в наступление и стал теснить противника к Манычу. Не ожидавшие отпора красные стали поспешно отходить, но вскоре оправались и сами перешли в наступление, обрушившись на терцев. Терская дивизия, только что сформированная и плохо обученная, была жестоко потрепана и потеряла всю

свою артиллерию. Генерал Деникин лично мог убедиться в серьезности создавшегося положения. 1-й конной дивизии генерала Шатилова было отдано приказание спешно грузиться и следовать на Манычский фронт. Предсказания мои генералу Романовскому осуществились, и Главнокомандующий, приняв на себя руководство манычской операцией, вынужден был сосредоточить те самые части, каковые предлагал генералу Романовскому использовать для намеченной операции и я.

Между тем на фронте моей армии положение продолжало оставаться тяжелым. Генерал Май-Маевский ежедневно доносил о тяжелых боях своих частей. Под давлением подавляющей численности врага, поддержанного убийственным огнем большого числа бронепоездов, наши слабые части на некоторых участках вынуждены были несколько отойти. Добровольческие полки дрались чрезвычайно упорно, отстаивая каждую пядь земли. Тяжелые потери заставляли опасаться, что последние кадры нашей пехоты будут уничтожены. В то же время в тылу армии свежих пополнений не имелось. Вопрос о создании запасных частей для пополнения войсковых кадров до сего времени не был должным образом разрешен. Из всей занятой армиями генерала Деникина территории Юго-Востока России лишь в Черноморской и Ставропольской губерниях гражданская власть полностью сосредоточивалась в руках главного командования. В прочих областях действовала автономная казачья власть. В значительной части казачьих областей население было смешанное – казаки и иногородние. И если относительно первых Ставка, хотя и неохотно, все же готова была признать государственные права атаманов и казачьих правительств, то в отношении иногороднего населения это право главное командование хотело оставить за собой. При этих условиях разработка мобилизационного плана была чрезвычайно затруднительна. Дело не пошло далее бесконечной переписки между штабом главнокомандующего и войсковыми штабами. В Ростовском округе, распоряжением командующего округом донского генерала Семенова, также производилась «мобилизация». Мобилизация эта сводилась к тому, что на улицах хватали прохожих, регистрировали и брали на учет. Кроме естественного недовольства в населении и полного дискредитирования в его глазах власти, эти мероприятия ничего дать не могли. Я тщетно телеграфировал в Ставку, доказывая необходимость точно установить взаимоотношения командующего армией с представителями местной власти, но ничего добиться не мог – штаб главнокомандующего, видимо, оказывался бессильным разрешить эту задачу и всячески уклонялся от определенного ответа.

Не получая удовлетворительного ответа из Ставки, я решил лично проехать в Новочеркасск повидать донского атамана генерала Богаевского и путем личных переговоров разрешить совместно с ним ряд вопросов. Генерал Богаевский только что перенес сыпной тиф и принял меня, лежа в кровати. Мягкий и весьма доброжелательный человек, генерал Богаевский, с которым я был знаком еще по службе в гвардии, охотно пошел мне навстречу и обещал дать представителям донской власти на местах необходимые указания для согласования нашей работы. В Новочеркасске я виделся также с выехавшим меня встретить на вокзал начальником штаба Донской армии генералом Келчевским. Генерала Келчевского я знал еще по Академии Генерального штаба, где он состоял во время прохождения мной курса курсовым штаб-офицером; впоследствии встречался я с ним в Каменце и Черновицах в бытность его генерал-квартирмейстером IX армии генерала Лечицкого. Талантливый офицер Генерального штаба, он заслуженно выдвинулся в период Великой войны; нравственный облик его был незавидный. Я выехал из Новочеркаска вечером и на вокзале в Ростове узнал, что через семь минут по проходе моего поезда был взорван ближайший к Новочеркасску мост. Господь хранил меня, и злоумышленникам не удался их замысел.

С целью облегчения положения частей генерала Май-Маевского я приказал генералу Шкуро ударить в тыл действующих против добровольцев частям красных. Генерал Шкуро удачно выполнил задачу, оттянув против себя часть неприятельских сил и временно облег-

чив положение добровольцев. Одновременно перешли в наступление своим левым флангом и донцы. Левофланговая донская дивизия генерала Калинина нанесла красным ряд жестоких поражений и овладела городом Луганском, угрожая противнику дальнейшим продвижением на запад. Для парирования успеха донцов красные вынуждены были оттянуть с фронта моей армии часть резервов, и истекавшие кровью добровольцы получили возможность передохнуть.

С целью ознакомления на местах с нуждами войск и возможностью помочь нам военным снабжением прибыл из Англии генерал Бриггс. Генерал произвел на меня самое лучшее впечатление умного и дельного человека. С большим вниманием и знанием дела выслушал он доклады начальника снабжения и начальника артиллерии и обещал всемерное содействие к облегчению наших нужд. Я чувствовал его обедом в штабе, после чего мы присутствовали на скачках местного скакового общества. После скачек донской коннозаводчик Пишванов подвел мне коня своего завода, в этот же день выигравшего скачку, – чистокровного гнедого 3-летнего жеребца «Гарема», сына дербиста «Гамураби». Вечером я устроил у себя в честь английской миссии кавказский вечер с лезгинкой и песнями. На другой день мы ездили в Таганрог с генералом Бриггсом осматривать недавно пущенный в ход Русско-Балтийский завод, где производилась выделка оружейных снарядов и ружейных патронов.

Я все еще не оправился после перенесенной болезни, чувствовал себя слабым, ноги отекали. Доктора настаивали на необходимости покоя, однако об этом нечего было и думать. Дел было столько, что я едва успевал найти время пообедать. Ежедневно осаждало меня бесконечное количество всякого рода просителей, надеявшихся у меня добиться разрешения вопросов, которые оказывались бессильными разрешить представители местной администрации.

Упорные бои на Маныче продолжались. Противник продолжал удерживать главнейшие переправы у станицы Великокняжеской. Дважды переправлявшаяся восточнее Великокняжеской на правый берег реки ударная группа генерала Шатилова оба раза, после первоначальных успехов, вынуждена была с большими потерями вновь отходить за реку. Вязкое русло Маныча не позволяло переправить вброд артиллерию, чем главным образом и объяснялся наш неуспех. Донцы, заняв Луганск, далее не продвигались. На фронте Добровольческого корпуса противник вновь стал насаждать.

Я получил телеграмму о прибытии генерала Деникина в Ростов, где на вокзале должно было состояться совещание с командующими армиями. Из Новочеркасска был вызван командующий Донской армией генерал Сидорин. Последний несколько запоздал. Поезд Главнокомандующего прибыл раньше. Генерал Деникин был озабочен общим положением на фронте. Он настаивал на энергичных действиях донцов, долженствующих, приковав к себе противника, облегчить тяжелое положение моей армии. С заметным раздражением говорил Главнокомандующий о нежелании донского командования сообразовать свои действия с общим положением, об «интригах в Новочеркасске»; виновником последних он называл генерала Келчевского. Упомянув о том, что вследствие создавшейся обстановки он вынужден был сосредоточить на Манычском фронте значительное число сил, генерал Деникин высказал предположение, что «по завершении Манычской операции» явится, вероятно, необходимость группу генерала Улагая, оперирующего в районе Св. Креста, и войска Манычской группы объединить в отдельную армию. При этом Главнокомандующий спросил меня, согласился ли бы я стать во главе этой армии. Я ответил согласием, добавив, что по-прежнему придаю Царицынскому направлению первенствующее значение. К тому же новая армия будет состоять главным образом из родных мне частей, коими командовал я во время Кавказской операции. Вскоре прибыл поезд командующего Донской армией генерала Сидорина. Последнего я знал еще по Академии Генерального штаба, курс которой мы про-

ходили одновременно. Сидорин был весьма неглупый, способный и знающий офицер. Как командующий армией он был вполне на высоте своего положения.

25 апреля я получил письмо от генерала Романовского:

«Начальник Штаба
Главкомандующего
Вооруженными Силами
на Юге России.
24 апреля 1919 г.
Ст. Тихорецкая.
Многоуважаемый Петр Николаевич!

У Вас, вероятно, был уже Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создала, что почти все Кубанские части собрались на царицынском направлении и мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это Главкомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался. С созданием Кубанской армии становится сложный вопрос о командовании ею. Все соображения приводят к выводу, что единственным лицом, приемлемым для Кубани и таким, которого будут слушаться все наши Кубанские полководцы – Покровский, Улагай, Шкуро, – являетесь Вы.

Главкомандующий и интересуется, как Вы к этому вопросу отнесетесь.

В Кубанскую армию Главкомандующий предполагает включить те Кубанские части, которые в настоящее время на Манычском фронте, и при первой же возможности произвести рокировку 1-й Кавказской казачьей дивизии и 2-й Кубанской пластунской бригады, перекинув их сюда в Кубанскую армию, а терцев отправив в Кавказскую армию, где из них составить Терский корпус. Горцы ввиду недостатка конницы в Кавказской армии тоже, вероятно, будут перекинуты в Кавказскую армию. Таким образом, в Кубанской армии соберутся Кубанские части и останутся 6-я дивизия, состоящая из Сводного Астраханского п. п., Сводного Саратовского п. п., Сводного гренадерского п. п. и Саратовского к. дивизиона с артиллерией и Астраханская кон. отд. бригада (генерал Зыков). В связи с этими предположениями Главкомандующий желает, чтобы 2-я Кубанская бригада была подготовлена в смысле сбора и расположения к быстрой смене.

Что касается вопроса о штабе, то Главкомандующий намечает штаб Кавказской армии оставить в Ростове, а для Кубанской вновь сформировать. Конечно, Вы можете, если бы пожелали, персонально, одного или другого из чинов штаба и даже начальника штаба взять с собой.

Заместителем Вашим в Кавказской Армии, которую предполагается при этом переименовать просто в Добровольческую армию, Главкомандующий намечает генерала Май-Маевского.

Если бы Вы согласились на предложенное назначение, то я бы просил Вас переговорить или списаться с генералом Май-Маевским относительно штаба и, главное, начальника штаба к нему (Яков Давыдович⁸ может не пожелает остаться или уйти с Вами).

По всем этим вопросам Главкомандующий желает знать Ваши соображения.
От души желаю Вам успехов.
Искренно Ваш И. Романовский».

После последнего разговора моего с Главкомандующим вопрос о создании на Царицынском направлении новой армии, во главе коей должен был стать я, не был для меня

⁸ Генерал Юзефович

неожиданностью. Однако решение Главнокомандующего о создании отдельной Кубанской армии было для меня ново. Учитывая в полной мере все неудобства, проистекавшие из-за существования отдельных армий новых казачьих образований, я в то же время учитывал, что, раз Дон пользуется этим правом, и Кубань и Терек имеют право справедливо этого домогаться. Намеченное Главнокомандующим решение, не устраняя неудобства, проистекающего от существования отдельных армий казачьих новообразований, в то же время справедливо уравнивало их права и преимущества, устраняя тем самым главный повод существовавших между главным командованием и кавказскими казачьими правительствами недоразумений. В то же время мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, с политикой, в значительной мере идущей вразрез с политикой главного командования, справедливо меня пугала.

Хотя и атаман и Рада выражали мне всяческим образом свое внимание и Краевая Рада только что известила меня о принятии меня с семьей в коренное сословие Кубанских казаков, хотя большинство Кубанских частей были мне родны и в широких массах казачества имя мое пользовалось большим уважением, я все же, как командующий Кубанской армией, оказался бы в некотором подчинении Кубанской власти и был бы неизбежно причастен к политике Кубани, которую я разделять не мог.

Мои ближайшие помощники, начальник штаба генерал Юзефович и генерал-квартирмейстер полковник Кусонский, соображения мои полностью разделяли. Переговорив с ними, я решил подождать с ответом до приезда кубанского атамана генерала Филимонова и походного атамана Кубанского войска генерала Науменко, о приезде которых я был предупрежден. С ними одновременно приехал возвращающийся в строй после ранения генерал Топорков. За несколько часов до обеда, устроенного мною в честь приехавших, я получил телеграмму начальника штаба главнокомандующего, разъясняющую, что объединение Кубанских частей в армию с наименованием «Кубанской» не должно быть понимаемо как признание какой-либо зависимости этой армии от Кубанского правительства и расширения прав последнего в отношении Кубанских войск. При этих условиях кубанский атаман сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию «Кубанской», признав, что раз по существу вопрос не разрешен, то лучше уж вновь формируемой армии дать название Кавказской Добровольческой, под каковым большинство войск Манычского фронта сражались за освобождение родного им Кавказа. Тут же за обедом составили телеграмму генералу Деникину, каковую подписал кубанский атаман и я.

На другой день я выехал на станцию Харцыск, дабы повидать генерала Май-Маевского и переговорить с ним по содержанию полученного мною от генерала Романовского письма. Я впервые увидел генерала Май-Маевского. Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и с громадным носом-сливой, маленькими мышинными глазками на гладковыбритом, без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы несомненно принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и несомненно неглупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление. Долгие месяцы ведя тяжелую борьбу в каменноугольном бассейне, он не потерял бодрости духа. Он, видимо, близко стоял к своим войскам, знал своих подчиненных. Генерал Май-Маевский был очень польщен доверием Главнокомандующего, о чем и просил меня довести до сведения генерала Деникина. Вместе с тем он просил о назначении начальником штаба армии взамен генерала Юзефовича, решившего остаться при мне, начальника штаба Добровольческого корпуса генерала Агапеева. Своим заместителем на должность командира Добровольческого корпуса генерал Май-Маевский представлял генерала Кутепова, командовавшего действующим в районе станции Торговая отрядом из трех родов войск. Осмотрев расположенных в резерве близ станции Харцыск пластунов и два батальона марковцев, я проехал на позицию. Мы

садились в автомобиль, когда получено было донесение о переходе противника против 1-й бригады в наступление. Я выехал к участку, где шел бой.

Укрытая за грядой небольших холмов, стреляла наша тяжелая батарея. В полутора-двух верстах впереди растянулась по холмистой степи жидкая цепь наших стрелков. Со стороны противника гремели артиллерийские выстрелы, и дымки шрапнели то и дело вспыхивали над нашими цепями. Мы вышли из автомобилей, и я пошел вдоль фронта, здороваясь со стрелками. Увидев группу сопровождавших меня лиц, неприятель открыл ружейный огонь. Пули посвистывали, щелкали в сухую землю, взбивая пыль. Я шел вдоль цепи, приветствуя стрелков, изредка останавливаясь и задавая вопросы. Огонь противника усиливался, один из следовавших за мной ординарцев был убит, другой ранен. Я приказал сопровождавшим меня вернуться назад, сам же с генералом Май-Маевским, генералом Юзефовичем и лицами моего штаба продолжал обходить полки. Наступавшие цепи противника медленно накапливались против занимавших левый фланг марковцев. С целью помочь соседям корниловцы перешли в контратаку. Я подходил к занятому корниловцами участку, когда их цепи, поднявшись, быстро двинулись, охватывая фланг врага. Несмотря на огонь, люди шли не ложась. Впереди на гнедом коне ехал молодой командир полка полковник Скоблин. Под угрозой своему флангу красные, не приняв удара, начали отход. Поблагодарив корниловцев, я поехал на вокзал. Давно не испытанная близость к войскам, близость боя создавали бодрое, приподнятое настроение.

Через несколько дней в Ростов вновь приезжал Главнокомандующий. Генерал Юзефович, долгое время командовавший за моей болезнью армией, был, видимо, несколько задет выбором на эту должность генерала Май-Маевского, полагая, что право на эту должность по справедливости принадлежит ему. При свидании с генералом Деникиным я просил его найти случай поговорить с генералом Юзефовичем и постараться смягчить горечь казавшегося ему недоверия Главнокомандующего.

– Ну что же я ему скажу? Ведь, по совести, я считаю, что он командовать армией не может, – развел руками генерал Деникин.

– Все-таки, ваше превосходительство, вы, быть может, нашли бы возможным его огладить, объяснив, что он необходим, как начальник штаба моей армии. Я лично никогда в крупных штабах не служил, штабная работа мне мало известна, и действительно мне без Якова Давыдовича было бы трудно.

– Нет, увольте, я не умею разводить дипломатии. Поговорите уж вы с ним, Иван Павлович, пусть не кобьнется...

Так чувство незаслуженной обиды и осталось в сердце Юзефовича.

На следующий день по отъезде Главнокомандующего стали вновь поступать тревожные сведения с фронта. Красные возобновили атаки; и без того бедные ряды полков таяли окончательно. Генерал Май-Маевский засыпал меня телеграммами, донося о невозможности более держаться и ходатайствуя о разрешении отойти на позиции к северу от станции Иловайская. Я приказал ему продолжать держаться, одновременно дав указания генералу Шкуро вновь перейти в наступление с целью облегчения положения добровольцев. Конница перешла в наступление, имела ряд тяжелых боев, однако особенно продвинуться не могла. Давление на части генерала Май-Маевского не ослабевало.

Генерал Май-Маевский, с которым я говорил по аппарату Юза, доложил мне, что он держаться далее не может, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров. Я ответил, что имею категорическое приказание Главнокомандующего держаться во что бы то ни стало. Вместе с тем, учитывая, что в ближайшие дни ответственным за армию явится он, генерал Май-Маевский, я обещал ему немедленно довести до сведения Главнокомандующего наш разговор и испросить разрешения оттянуть Добровольческий корпус на намеченные им позиции.

30-го вечером я выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего, лично руководившего Маньчской операцией.

В Задонских степях

Явившись утром к Главнокомандующему, я доложил ему о положении Добровольческого корпуса. Ознакомившись с лентой разговора моего с генералом Май-Маевским по аппарату Юза, Главнокомандующий принял решение – части Добровольческого корпуса оттянуть на намеченные генералом Май-Маевским позиции. Я тут же написал и отправил последнему телеграмму. Затем я сделал генералу Деникину подробный доклад о намеченных мною формированиях регулярной конницы.

Еще в декабре 1918 года я представил Главнокомандующему доклад о желательности создания особой инспекции конницы и настоятельной необходимости срочно приступить к воссозданию старых кавалерийских полков. Однако вопрос этот так и не получил разрешения. В армии имелось большое количество кавалерийских офицеров, были некоторые полки, весь офицерский состав коих почти полностью находился в армии. Некоторые из кавалерийских частей сумели сохранить и родные штандарты. Офицеры мечтали, конечно, о воссоздании родных частей, однако штаб главнокомандующего эти стремления не поощрял. С большим трудом удалось получить разрешение на формирование полка 12-й кавалерийской дивизии; где-то на Кавказе формировались изюмцы; наконец, при моей помощи удалось развернуться собравшимся у меня на Кубани ингерманландцам. Некоторые части отдельными взводами или эскадронами действовали при пехотных дивизиях. Большое число кавалерийских офицеров находилось в тылу, служило в казачьих частях или в пехоте. По приезде моем в Ростов я поручил начальнику штаба подробно разработать вопрос об укомплектовании и развертывании отдельных кавалерийских эскадронов и сведении кавалерийских полков в высшие соединения. Собрав комиссию из имеющихся в армии старших представителей старых полков конницы, выяснив наличное число офицеров старых частей, я наметил формирование двух четырехполковых кавалерийских дивизий. Подробно разработал вопрос о снабжении их лошадьми, седлами и оружием. Составил для представления Главнокомандующему кандидатский список начальников. В один из приездов Главнокомандующего в Ростов я докладывал ему о моих предположениях, и генерал Деникин дал мне тогда принципиальное согласие. Теперь, выслушав мой доклад, он полностью его одобрил и тут же утвердил представленный мною проект приказа, утвердил также и намеченных мною кандидатов на командные должности, однако в создании «инспекции конницы» отказал.

Закончив доклад, я спросил у Главнокомандующего о положении на Манычском фронте. Мы все еще не могли достигнуть здесь решительного успеха; вторичная переправа нашей кавалерии на северный берег Маныча вновь окончилась неудачей. Наши части захватили было много пленных и значительно продвинулись в тыл противника, но вынуждены были вновь отойти на южный берег реки. 1-я конная дивизия генерала Шатилова понесла большие потери, а терский пластунский батальон был почти полностью уничтожен. Генерал Деникин с горечью говорил о том, что хотя мы «нагнали уйму конницы», но «сделать пока ничего не удастся».

Для обороны Маныча в районе Великокняжеской противник сосредоточил всю свою X армию – около 30 000 штыков и шашек, с нашей стороны против нее действовали, кроме отряда генерала Кутепова – 6-й пехотной дивизии (Сводно-Астраханский пехотный полк, Сводно-Саратовский пехотный полк, Сводно-гренадерский пехотный полк и Саратовский конный дивизион с артиллерией) и отдельной Астраханской конной бригады под начальством генерала Зыкова, 1-й конный корпус генерала Покровского (1-я Кубанская и 2-я Терская казачьи дивизии), 1-я конная дивизия генерала Шатилова, Горская дивизия полковника Гревса, Сводный Донской корпус генерала Савельева и Атаманская дивизия – всего одна дивизия пехоты и семь с половиной дивизий конницы.

6-я пехотная дивизия, малочисленная и сборного состава, была мало боеспособна. Сравнительно слабыми качественно и количественно были астраханцы и горцы. Зато донские, Кубанские и терские полки были вполне достаточной численности и в большинстве отличных боевых качеств. Главная масса нашей конницы – кубанцы и терцы генерала Покровского, кубанцы генерала Шатилова, Атаманская дивизия, астраханцы и горцы – были сосредоточены на правом фланге нашего расположения к востоку от линии железной дороги, в районе сел Бараниковское – Новоманычское. Вдоль линии железной дороги располагались части генерала Кутепова. Сводно-Донской корпус генерала Савельева растянулся по южному берегу реки Маныч, к западу от железной дороги, имея главные силы у переправы Казенный мост.

Я спросил Главнокомандующего, кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать от конницы единства действий. Я высказал это генералу Деникину:

– Все это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому?

Возражение Главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то что общая польза дела этого явно требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что, хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных, нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса, и что, близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или другому начальнику, раз последует приказание Главнокомандующего. Присутствующий при разговоре генерал Романовский обратился ко мне:

– А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединив конницу, – вам все наши полководцы охотно подчинятся.

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить наконец бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой.

Из Ростова я выехал в сопровождении лишь генерал-квартирмейстера полковника Кусонского и личного моего адъютанта. Я просил генерала Романовского предоставить на время операции в мое распоряжение нескольких офицеров штаба главнокомандующего. Генерал Романовский охотно согласился, предоставив мне выбрать таковых по моему усмотрению. Я поручил сделать это полковнику Кусонскому, который наметил одного из офицеров оперативного отделения полковника Подчерткова и одного – разведывательного отделения полковника Ряснянского. В распоряжение полковника Кусонского был откомандирован и начальник связи штаба главнокомандующего полковник Апрелев. Генерал Романовский предоставил в мое распоряжение несколько автомобилей. Послав генералу Юзефовичу телеграмму о спешной высылке моих лошадей и необходимых вещей, я известил старших кавалерийских начальников телефонограммой о моем приезде, предложив им собраться в ста-

нице Новоманычской для военного совещания. После обеда я выехал туда на автомобиле. Переговорив с генералами Покровским, Шатиловым, Зыковым, полковником Гревсом и другими старшими начальниками и пройдя на наблюдательный пункт (колокольню), откуда отлично было видно расположение наших и неприятельских войск, я ясно мог отдать себе отчет в общей обстановке. Главная масса неприятельских сил сосредоточена была в районе Великокняжеской и Бараниковской переправ и в самой станице Великокняжеской. Как северный берег у обеих переправ, так и станица Великокняжеская с юга были усилены окопами. Противник располагал весьма мощной артиллерией, и об овладении переправами в лоб нечего было и думать. К востоку от Бараниковской переправы линия Маныча противником только наблюдалась. Здесь переправа наших даже сравнительно небольших сил со стороны противника препятствий встретить не могла, однако мелководный, едва пол-аршина глубиной, но болотистый и чрезвычайно топкий Маныч совершенно исключал возможность переправить вброд артиллерию. Без поддержки же артиллерии, как показал опыт, мы не могли рассчитывать на успех. В то же время предварительная наводка мостов обнаружила бы противнику заблаговременно наше намерение и внезапность – непременно условие возможности успеха – тем самым была бы исключена.

Я предложил применить переносные щиты, каковые можно было быстро соорудить из подручного материала, разобрать многочисленные в станицах дощатые заборы. Эти щиты можно было подвезти к переправе непосредственно за войсками и, погрузив в воду, быстро навести настил. Пластуны, войдя в воду, должны были, придерживая щиты, не давать им всплывать; в дальнейшем проходящие тяжести вдавили бы в вязкое дно дощатый настил, плотно закрепив его на месте. Хотя в возможности оборудования переправы предложенным мною способом большинство присутствующих сомневалось, я, вызвав командира саперной роты, приказал ему на другой день с рассветом подготовить опытную переправу на одном из многочисленных окрестных бочагов, а начальнику артиллерии 1-го корпуса генералу Фоку, сделать опыт переправы легкой и тяжелой артиллерии. С наступлением темноты приказал генералам Покровскому и Шатилову выслать от своих частей офицерские разъезды для исследования течения Маныча на двадцать верст к востоку от Бараниковской переправы; поздно вечером вернулся я в Торговую.

2 мая Главнокомандующий подписал приказ о подчинении мне армейской группы в составе: 1-го Кубанского корпуса, 1-й конной дивизии, Горской дивизии и Астраханской отдельной бригады. Группе ставилась задача, форсировав Маныч, овладеть станицей Великокняжеской. В мое распоряжение поступил и авиационный отряд (восемь аппаратов) под начальством полковника Ткачева. С фронта вдоль линии железной дороги должна была действовать, содействуя операции, 6-я пехотная дивизия. В общем резерве Главнокомандующего оставались атаманцы.

В вагоне Главнокомандующего познакомился я с генералом Кутеповым. Последний уезжал для принятия Добровольческого корпуса. Небольшого роста, плотный, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа, глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека.

В два часа я выехал в Новоманычку. Опыт использования деревянных щитов для переправы вполне удался. В станице кипела работа; казаки разбирали заборы, сколачивали щиты. К моему приезду в станице Новоманычской, поселке Полтавском и с. Бараниковском были построены полки. Я объехал части, говорил с казаками. Прием был мне оказан самый восторженный.

После объезда мы заехали в штаб 1-го конного корпуса, где собрались начальники разъездов, исследовавших переправы. Ознакомившись с их докладами, я окончательно наметил пункт переправы в 18 верстах восточнее села Бараниковского. Тут же я отдал директиву.

Переправа намечалась в ночь на 4 мая. Ударная группа состояла из 1-го конного корпуса, 1-й конной дивизии и Астраханской отдельной бригады. Для прикрытия Бараниковской переправы и связи с ударной группой оставалась Горская дивизия. На генерала Фока было возложено объединение артиллерийской группы, долженствовавшей в случае необходимости содействовать переправе. Весь день 3 мая должен был быть посвящен на подготовку материалов для переправы. Поздно ночью вернулся я в Торговую. 3-го прибыли из Ростова мои лошади, я выслал их немедленно в штаб 1-й конной дивизии.

Главнокомандующий получил донесение о блестящем успехе генерала Улагая. Последний, выдвинувшись со своим корпусом от Св. Креста, к северу от Маныча, в районе села Ремонтное – станица Граббевская⁹ наголову разбил конный корпус противника под начальством «товарища» Думенко, захватил более 20 орудий, много пулеметов и пленных. 2-й Кубанский корпус генерала Улагая был сформирован в районе Св. Креста уже по завершении Кавказской операции и состоял из 2-й и 3-й Кубанских дивизий и 3-й Кубанской пластунской бригады. Одна бригада 2-й Кубанской дивизии под начальством полковника Фостикова временно была выделена из 2-го конного корпуса и прикомандирована к 1-й конной дивизии генерала Шатилова. Об успехе генерала Улагая я немедленно послал телефонограмму начальникам моих частей, приказав сообщить о победе полкам.

Получил генерал Деникин телеграмму и от генерала Май-Маевского. Последний сообщал, что, вследствие изменившейся обстановки, решил пока не отходить. По предложению полковника Кусонского я, с согласия Главнокомандующего, отправил командиру Добровольческого корпуса телеграмму, поддерживающую его в принятом решении: «Главнокомандующий и я приветствуем ваше мужественное решение».

Вечером я выехал в станицу Новоманычскую. Темнело. Полки длинной лентой вытягивались из станицы, двигаясь к месту переправы. В хвосте дивизии тянулись длинные вереницы повозок, нагруженных дощатыми щитами и сопровождаемые саперами.

Наши передовые сотни, переправившись с вечера вброд, оттеснили неприятельские разъезды. В течение ночи дружной работой сапер и пластунов был наведен настил. Люди всю ночь работали в воде, раздевшись по пояс.

На рассвете началась переправа. Я застал 1-й конный корпус уже заканчивающим переправу. Мелководный, топкий, местами высохший, покрытый солью, выступившей на поверхность вязкой черной грязи, Маныч ярко блистал на солнце среди плоских, лишенных всякой растительности берегов. Далеко на север тянулась безбрежная, кое-где перерезанная солеными бочагами солончаковая степь. Там маячила наша лава, изредка стучали выстрелы. Длинной черной лентой тянулась от переправы наша конница, над колонной реяли разноцветные значки сотен. Сверкали медным блеском трубы полковых хоров. На южном берегу в ожидании переправы спешили Кубанские, терские, астраханские полки. Вокруг дымящихся костров виднелись группы всадников в живописных формах.

К восьми часам главная масса конницы закончила переправу, а к полудню перешла на северный берег вся артиллерия, в том числе и тяжелая. Теснимый нашими передовыми частями противник медленно отходил на запад. Части генерала Шатилова, 1-я конная дивизия и бригада кубанцев полковника Фостикова, наступали вдоль северного берега реки. Правее, заслонившись частью сил с севера, вдоль большого тракта, двигался 1-й конный корпус генерала Покровского. В моем резерве осталась отдельная Астраханская бригада (два Астраханских и 1-й Черкесский полки) генерала Зыкова.

Подойдя к Бараниковской переправе, генерал Шатилов бросил свои части в атаку и овладел окопами противника, захватив около полутора тысяч пленных. Бараниковская пере-

⁹ В 120 верстах на восток от ст. Великокняжеской.

права была в наших руках. Горская дивизия начала переправу, я подчинил ее генералу Шатилову.

Наступали сумерки. Полки заночевали на местах. Стояла холодная майская ночь. Люди зябли и не могли заснуть. В лишенной всякой растительности степи нельзя было разжечь костров. Нельзя было напоить даже коней, негде было достать пресной воды. Я на несколько часов проехал в Новоманычскую перекусить и напиться чаю и с рассветом был уже вновь на северном берегу реки.

С первыми лучами солнца бой возобновился, противник делал отчаянные попытки задержать наше продвижение, однако, теснимый генералом Покровским, после полудня начал отход к станице Великокняжеской. 1-й конный корпус занял хутора бр. Михайликовых и Пишванова. Хутора эти, зимовники донских коннозаводчиков, когда-то дышавшие богатством, ныне представляли собой груды развалин: дома стояли с сорванными дверьми, выбитыми окнами, фруктовые сады с деревьями, обломанными и обглоданными конями, амбары с растасканными соломенными и камышовыми крышами, заржавленными и поломанными земледельческими орудиями. Все являло собой картину полного разрушения, следы многократных боев. Огромное, разбросанное по всей степи количество трупов коней, рогатого и мелкого скота дополняло эту унылую картину. Многочисленные, частью пересохшие, соленые бочаги и вся солончаковая степь кругом были буквально усеяны падалью. Ее сладкий, противный запах положительно пропитывал воздух.

В пять часов была назначена общая атака. Для обеспечения боевого порядка с севера к хуторам Безугловым были выдвинуты астраханцы генерала Зыкова. Выбрав удобный наблюдательный пункт – огромную скирду соломы, я в бинокль стал наблюдать за движением колонн. Дивизии строили резервный порядок. Артиллерийский огонь с обеих сторон усилился. В тылу противника, в районе Великокняжеской, реяли наши аэропланы. Далеко на левом фланге прогремело «ура». В бинокль были видны быстро несущиеся, вскоре исчезнувшие за складкой местности полки 1-й конной дивизии. Части генерала Покровского строили боевой порядок.

Неожиданно далеко вправо, почти в тылу, раздались несколько оружейных выстрелов. Почти одновременно прискакал казак с донесением от Зыкова. Со стороны станции Ельмут в охват нашего правого фланга подходили большие конные массы противника¹⁰. В бинокль было видно, как развернулись и двинулись вперед астраханцы. Их батарея открыла огонь. Над полками были видны рвущиеся снаряды противника. Но вот среди астраханцев стало заметно какое-то волнение. Ряды их заколебались, заметались, и, мгновенно повернув назад, казаки бросились врассыпную. Беспорядочной толпой астраханцы неслись назад. Вскочив в автомобиль, я помчался к ближайшим частям генерала Покровского, успел остановить его корпус и повернуть частью сил против конницы врага. Славные кубанцы и терцы задержали противника. Однако новый успех генерала Шатилова, захватившего более 2000 пленных, орудия и пулеметы, развития не получил. Части заночевали на позициях.

Подход новых крупных сил противника значительно осложнял наше положение. Имея в тылу одну весьма неудобную переправу у с. Бараниковского и владея на северном берегу Маныча весьма ограниченным плацдармом, мы, в случае успеха противника, могли оказаться в очень тяжелом положении. Свежих резервов у меня не было. Астраханцы, потеряв раненым начальника дивизии генерала Зыкова и убитыми и ранеными всех командиров полков, потеряли всякую боеспособность. Расстроженные части рассеялись, казаки и черкесы отдельными группами и в одиночку текли в тыл. Я выслал мой конвой к переправам, прика-

¹⁰ То был спешивший на выручку своим, двинутый усиленными переходами от ст. Ремонтной конный корпус «товарища» Думенко.

зав собирать беглецов и, отведя на южный берег, привести полки в порядок, беспощадно расстреливая ослушников и трусов. На замену астраханцам я просил генерала Деникина выслать мне атаманцев. Утром последние прибыли ко мне.

6-го с рассветом бой возобновился на всем фронте. Третьи сутки почти не спавшие, не евшие горячего люди и непоенные кони окончательно истомились. Однако, невзирая на это, я требовал полного напряжения сил для завершения начатого дела до конца. В течение дня нам удалось расширить занятый нами плацдарм. Части генерала Покровского вновь заняли хутора Безуглова, части генерала Шатилова подошли на 2–3 версты к станице Великокняжеской.

На закате я назначил общую атаку, дав горцам, 1-й конной дивизии и бригаде полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую. Первым – с юго-востока, вторым – с востока. Генералу Покровскому приказал «сковать и разбить конницу Думенко». Для предварительного расстройств красной конницы приказал эскадрилье полковника Ткачева произвести бомбовую атаку.

С начала артиллерийской подготовки я объехал фронт полков, сказал людям несколько слов, приказал снять чехлы и распустить знамена. При построении боевого порядка всем полковым хорам приказал играть марши своих частей. Как на параде, строились полки в линии колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки, понеслось «ура», и масса конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела артиллерия, белые дымки шрапнелей густо усеяли небо. Я на автомобиле понесся к полкам генерала Покровского. Налет полковника Ткачева оказался весьма удачным. Противник потерял большое число людей и лошадей; морально потрясенные, его части расстроились. К сожалению, генерал Покровский замешкался, упустил удобный момент ударить на расстроенного противника. Последний успел оправиться и, не приняв атаки, стал поспешно отходить...

Великокняжеская была взята. Успех противника, форсировавшего Маныч и проникшего в глубокий тыл Добровольческой и Донской армий, грозя отрезать их от главной базы, завершился нашей победой. X армия красных была разгромлена. Противник за три дня потерял около 15 000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов.

Путь к Царицыну и Волге был открыт.

Разбитый под Великокняжеской противник поспешно отходил к северу вдоль железной дороги. За красной пехотой бежала и конница «товарища» Думенко. Красные, отходя, разрушали железнодорожный путь, взрывая мосты и железнодорожные сооружения. Я послал приказание частям генерала Шатилова преследовать противника по пятам; 1-му конному корпусу генерала Покровского быстро двигаться в направлении на станицу Орловскую, стремясь перехватить путь отхода красных.

В десять часов утра 7 мая я на автомобиле выехал в Великокняжескую, где застал штаб генерала Шатилова. В штаб только что привели несколько всадников Горской дивизии, пойманных на месте грабежа. Я тут же назначил над ними военно-полевой суд, и через два часа пять грабителей были повешены на площади села. Я приказал в течение суток не убирать трупов, дабы наглядным образом показать частям и населению, что всякое насилие и грабеж, несмотря на всю воинскую доблесть виновных, будут караться беспощадно. Поблагодарив расположенные в станице части и отдав необходимые распоряжения, я выехал в Торговую.

Отъехав верст пять, я встретил автомобили штаба главнокомандующего. Генерал Деникин, в сопровождении генерала Романовского, полковника Плющевского-Плющика и нескольких лиц своего штаба, ехал в Великокняжескую. Главнокомандующий был весьма доволен нашим успехом; обнял и расцеловал меня, горячо благодаря. По его словам, он наблюдал атаку моей конницы с наблюдательного пункта 6-й пехотной дивизии.

– За всю Гражданскую войну я не видел такого сильного огня большевистской артиллерии, – сказал генерал Деникин.

Мы вместе вернулись в Великокняжескую, где Главнокомандующий поздравил генерала Шатилова с производством в генерал-лейтенанты и объявил ему о назначении его командиром 3-го конного корпуса, в состав коего вошли 1-я конная и Горская дивизии¹¹.

Из Великокняжеской мы вернулись в Торговую, откуда Главнокомандующий в тот же день намечал выехать в Ростов.

2-й конный корпус генерала Улагая, 1-й генерала Покровского, 3-й генерала Шатилова, Сводно-Донской генерала Савельева, Атаманская Астраханская отдельная бригада, отдельный Саратовский дивизион и 6-я пехотная дивизия объединялись в Кавказскую армию. Войска генерала Май-Маевского должны были составить армию Добровольческую. Генерал Деникин возвращался к наименованиям, намеченным им при первоначальном образовании из войск Кавказа двух армий. Ныне я не настаивал на наименовании моей армии «Кавказской Добровольческой». Успевшие значительно обостриться отношения между главным командованием и казачеством, ярко проводимое обеими сторонами деление на добровольцев и казаков значительно обесценило в глазах последних еще недавно одинаково дорогое для всех войск добровольческое знамя. К тому же наименование армии «Кавказской» успело стать близким войскам.

Кавказской армии ставилась задача овладеть Царицыном. Директива Главнокомандующего была разослана войскам на следующий день:

«Маньчжурская операция закончилась разгромом противника и взятием Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладеть Астраханью.
2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. Перебросить донские части на правый берег Дона. Содействовать операции генерала Эрдели.
3. Генералу Сидорину с выходом донских частей Кавказской армии на правый берег Дона, подчинив их себе, разбить Донецкую группу противника. Подняв восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая – Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами.
4. Прочим фронтам вести активную оборону.
5. Разграничительные линии: между генералами Эрдели и Врангелем Благодарное – Яшкуль – Енотаевск все для Эрдели.
6. О получении донести.

Великокняжеская, 8 мая № 06796.

Главком Генлейт Деникин.

Наштаглав Генлейт Романовский».

Взамен имеющих перейти в состав Донской армии по переправе на правый берег Дона донских частей в состав моей армии должна была быть направлена 2-я Кубанская пластунская бригада, о чем начальник штаба главнокомандующего предупреждал меня еще в письме своем от 24 апреля. Что касается замены терцев и горцев 1-й Кавказской казачьей дивизии, о чем мне генерал Романовский тогда же писал, то ввиду общей обстановки наступления частей обеих армий замена эта в настоящее время произведена быть не могла. Я просил Главнокомандующего усилить меня артиллерией, что и было мне обещано.

– Ну как, через сколько времени поднесете нам Царицын? – спросил генерал Деникин.

¹¹ Через несколько дней части генерала Шкуро – 1-я Терская и Кавказская казачья дивизии – были сведены в корпус, получивший название 3-го. 1-й, 2-й и 3-й корпуса получили наименование Кубанских. Корпус же генерала Шатилова был переименован в 4-й конный

Я доложил, что, рассчитывая вести настойчивое преследование, дабы не дать возможности противнику оправиться и задержаться на одном из многочисленных естественных рубежей – притоков Дона, я надеюсь подойти к Царицыну своей конницей недели через три. Дальнейшее зависит от своевременности присылки мне обещанных Кубанской пластунской бригады и артиллерии, ибо овладение укрепленным Царицыном, как показал опыт Донской армии, уже однажды минувшей зимой пытавшейся овладеть городом без достаточно сильной пехоты и могучей артиллерии, невозможно.

– Конечно, конечно, все, что возможно, вам пошлем.

Поезд Главнокомандующего отбыл в Ростов. Генерал Деникин, стоя у окна своего вагона, дружески кивал мне и, улыбаясь, показывал на пальцах число три – напоминание о сроке, обещанном мной для подхода к Царицыну.

Вызвав к аппарату генерала Юзефовича, я выслушал доклад о переговорах его с прибывшим в Ростов генералом Май-Маевским и намеченной реорганизации моего штаба.

Главнокомандующий отказал в назначении начальником штаба Добровольческой армии генерала Агапеева, на эту должность назначался генерал Ефимов. Из старших лиц моего штаба в Добровольческой армии оставался лишь начальник снабжений генерал Деев, взамен которого генерал Юзефович пригласил генерала Фалеева. Генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, начальник артиллерии и значительное число начальников отделений переходили в штаб Кавказской армии. Большая часть этих лиц в тот же день выезжали из Ростова в Великокняжескую. Генерал Юзефович задерживался в Ростове на несколько дней. Железнодорожный мост через Маныч не пострадал, и мой поезд в ту же ночь перешел в Великокняжескую.

Противник поспешно отходил, наши части с трудом поддерживали с ним соприкосновение. Конница генерала Покровского вышла на линию железной дороги, горцы, усиленные атаманцами, под общим начальством полковника Гревса были направлены мною западнее железной дороги. 1-я конная дивизия была оттянута в мой резерв. Войскам ставились задачи:

а) 2-му Кубанскому корпусу генерала Улагая (2-я и 3-я Кубанские дивизии и 3-я пластунская бригада) – преследовать противника от станицы Граббевской вдоль Царицынского тракта, выделив часть сил на фронт Ремонтная – Зимовники для действия в тыл красным, отступавшим перед 1-м Кубанским корпусом вдоль железной дороги.

б) 1-му Кубанскому корпусу генерала Покровского (1-я Кубанская, 2-я Терская, 6-я пехотная дивизии и все бронепоезда) – преследовать главные силы красных, отходящих вдоль железной дороги на Царицын.

в) Сводному корпусу полковника Гревса (Горская и Атаманская дивизии) – отбросить части противника, действующие западнее железной дороги, за реку Сал и, прижав их к Дону, разбить.

г) Донскому корпусу генерала Савельева (4-я и 13-я Донские казачьи дивизии) – разбив и уничтожив части противника, действующие между реками Салом и Доном, переправиться на фронте Цымлянская – Мариинская на правый берег Дона и ударить в тыл Донской группе красных.

д) Конному корпусу генерала Шатилова (1-я конная дивизия, Астраханская дивизия и два пластунских батальона) – составить резерв командующего армией.

Таким образом, имелось в виду при фронтальном преследовании главной массы противника вдоль железной дороги частями правой колонны содействовать этому преследованию ударами в тыл, стремясь отрезать красным главный путь их отхода; левофланговые же колонны должны были путем маневра прижать к Дону и разбить те части врага, которые действовали против левого фланга армии и могли угрожать флангу всей операции, а затем, переправившись частью сил (Донской корпус) через Дон, нанести удар в тыл группе противника, действующей на правом берегу Дона против донцов.

Уже 11 мая колонны армии, выполняя поставленные им директивы, подошли своими частями к реке Салу, гоня перед собой отступавшего на всем фронте врага; командир 2-го Кубанского корпуса генерал Улагай, выставив заслон (полковника Мамонова) в сторону Торговое – Заветное, направил согласно заданию большую часть сил под общим командованием генерала Бабиева (пять конных полков и два пластунских батальона) на станцию Ремонтная в целях выйти противнику в тыл и отрезать ему пути отхода. Несмотря на отчаянные попытки красных зацепиться за естественный рубеж реки Сала и остановить наше продвижение, мы после двухдневных горячих боев овладели неприятельской позицией, форсировав реку.

С выходом 2-го Кубанского корпуса на линию железной дороги преследование главных сил противника вдоль железнодорожной линии было возложено на генерала Улагая, в руках которого сосредоточивались 2-й Кубанский корпус, одна бригада 1-й Кубанской дивизии, астраханцы и 6-я пехотная дивизия. Группе генерала Улагая передавались и бронепоезда, однако вследствие порчи пути и уничтожения красными большого железнодорожного моста через Сал последние временно действовать не могли. Генералу Улагая указывалось при движении на север выдвинуть для обеспечения правого фланга Астраханскую дивизию, направив ее в район озера Ханата – Альматин.

На левом фланге 2-го Кубанского корпуса уступом впереди двигался 1-й Кубанский корпус генерала Покровского. Полковнику Гревсу, блестящим образом выполнившему свою задачу и разбившему у хутора Красноярского остатки прижатого им к Дону противника, причем взяты были 24 орудия, большое число пленных, громадные обозы и большие гурты скота и лошадей, было приказано передать Атаманскую дивизию в Донской корпус генерала Савельева. Последний переправился через Дон и вошел в состав Донской армии. Полковник Гревс с Горской дивизией должен был двигаться левым берегом Дона, обеспечивая левый фланг армии. 1-я конная дивизия и пластуны, объединенные в руках генерала Шатилова, продолжали оставаться в моем резерве.

Наступление наших колонн велось в чрезвычайно тяжелых условиях по безлюдной и местами безводной степи. Противник, отходя, взрывал мосты и железнодорожные сооружения; подвоз был крайне затруднен. Наскоро сформированному, имевшему в своем распоряжении самые ограниченные средства штабу приходилось заново создавать и налаживать снабжение. Средства связи почти совершенно отсутствовали. Все обращения мои к штабу главнокомандующего успеха не имели.

Намеченный еще мною рейд конницы генерала Шкуро в тыл группе красных, действующих против добровольцев, увенчался успехом. Разбитый, жестоко потрепанный противник стал отходить, и части генерала Май-Маевского перешли в общее наступление. Отступление противника скоро обратилось в бегство. Наши части быстро продвигались вперед. Оставшееся неизменно главнейшим в представлении Главнокомандующего операционное направление на Харьков отныне привлекало все внимание Ставки. Для развития успеха в этом направлении бросались все имевшиеся в распоряжении Главнокомандующего силы и средства. Учитывая создавшуюся обстановку, я еще 10 мая телеграфировал Главнокомандующему: «С передачей в распоряжение командующего Донской армией Донского сводного корпуса, предстоящей передачей Атаманской дивизии, а также направления астраханцев в сторону от главного района операции силы армии значительно уменьшаются. Между тем для развития успеха на главнейшем Царицынском направлении необходимо во что бы то ни стало усилить меня пехотой. Настоятельно прошу в первую очередь перевести на станцию Куберле Кубанскую пластунскую бригаду и стрелковый полк 1-й конной дивизии¹², как органически связанные с Кавказской армией. 10 мая Нр 0575. Врангель».

¹² Последний после переброски 1-й конной дивизии с Кавказа оставался там и о возвращении его в дивизию я еще в

При малоразвитой телеграфной сети в крае недостаток автомобилей и мотоциклеток особенно был чувствителен. Старшие начальники оказывались подчас совершенно бессильными управлять войсками.

Выехав 12-го поездом на север, я был задержан на станции Куберле неисправностью железнодорожного моста. На Сале шли горячие бои, и я хотел лично принять руководство боями. Я попытался продолжать путь на единственном имевшемся в штабе автомобиле, однако вынужден был с полпути вернуться назад из-за порчи машины. Со станции Куберле я телеграфировал генералу Романовскому:

«Выехав для личного руководства форсирования Сала на единственной имеющейся у меня машине, вынужден с полпути вернуться из-за порчи автомобиля. Сейчас ни в штарме, ни в штакоках нет ни одной машины. При отсутствии иных средств связи лишен возможности руководить операциями. В то время как отсутствие средств связи грозит свести на нет успех, достигнутый потоками крови, в Екатеринодаре и Новороссийске автомобилями пользуются бесконечное количество представителей тыловых управлений. В дополнение к неоднократным моим просьбам еще раз прошу срочной высылки для штарма шесть и для каждого из трех корпусов не менее двух мощных легковых машин с полным комплектом запасных частей, без чего управлять операциями не могу. Куберле, 13 мая 8 часов 20 минут. № 1–1. Врангель».

Генерал Юзефович со своей стороны ежедневно засыпал Ставку телеграммами. 13 мая, прибыв ко мне в Куберле, он горько жаловался на полное безучастие Ставки ко всем его просьбам. В этот день я получил донесение о победе нашей на реке Сале. Я телеграфировал Главнокомандующему:

«Ремонтная взята, Сал форсирован. На пути к Царицыну славным войскам Кавармии остается преодолеть лишь один рубеж – Есауловский Аксай. Великокняжеская и Ремонтная коренным образом перевернули всю обстановку не только на Царицынском направлении, но и у Донцов, открываются широкие перспективы, значение последних двух побед следует признать исключительным по своей важности. Выход армии на Есауловский Аксай и перерез железной дороги Лихая – Царицын в районе Верхнечирской может повлечь за собой крушение всей IX красной армии. Но полное расстройство тыла, прерванная тремя разрушенными мостами железная дорога, отсутствие средств связи уже парализуют мои успехи и угрожают полной остановкой боевых действий. Самым настоятельным образом ради общего дела прошу приковать Ваше внимание и распорядиться направлением всех имеющихся в Вашем распоряжении средств для быстрого восстановления железной дороги, увеличения ее провозо- и пропускной способности, придачи мне транспортов грузовых автомобилей, легковых автомобилей, не менее десяти для связи, телеграфных аппаратов, кабеля, телеграфных колонн. Обстановка исключительно благоприятная и требует принятия свыше исключительных мер. Куберле, 17 мая 21 час. Нр 0616. Врангель».

15 мая наши части заняли станцию Котельниково и форсировали реку Курмоярский Аксай. 1-й Кубанский корпус генерала Покровского быстро выдвинулся вперед, после горячего боя овладел хутором Верхне-Яблочным, где захватил свыше 2000 пленных, 10 орудий, 25 пулеметов и громадные обозы. Однако вследствие быстрого выдвижения 1-го Кубанского корпуса между его правым флангом и левым флангом 2-го корпуса генерала Улагая образовался разрыв, который противник удачно использовал. 17 мая с утра он перешел значительными силами в наступление, охватывая левый фланг нашей пехоты. Последняя не выдержала, дрогнула и, бросив свою артиллерию, стала поспешно отходить на Котельниково. Начальник дивизии генерал Патрикеев, пытавшийся со своим штабом восстановить в частях

порядок, был настигнут красной конницей и зарублен. 6-я пехотная дивизия была почти полностью уничтожена. Артиллерия дивизии была захвачена противником. Генерал Бабиев, бросившийся со своей конницей на выручку стрелков, отбросил было противника, отбил наши орудия, но затем сам был оттеснен. Тогда командир корпуса генерал Улагай, прибывший на место боя во главе своего конвоя и случайно собранных им ближайших частей, бросился в атаку, опрокинул врага, вернул потерянные пехотой орудия и вынудил противника начать отход, дав яркий образец значения личного примера начальника.

20 мая части армии достигли реки Есауловский Аксай на фронте от хутора Жутов до устья реки. Противник занял сильно укрепленную позицию с окопами и проволочными заграждениями на правом берегу Аксая, сосредоточив главные силы на фронте хуторов Генералов – Аксайско-Чиковский.

После крайне упорного боя 20–22 мая доблестные части 1-го Кубанского корпуса сбили врага с позиций и, прорвав его фронт, нанесли сильное поражение. Стремительно преследуя разбитые части противника на хутор Кумской на протяжении 30 верст, генерал Покровский натолкнулся на свежие силы красных, двигавшиеся против его правого фланга со стороны Громославской; между тем 2-й Кубанский корпус генерала Улагая, встретив упорное сопротивление противника на остальной части фронта позиции за рекой Есауловский Аксай, был скован боем и не мог оказать поддержки 1-му корпусу. Я выслал генералу Улагаю из своего резерва пластунов и гаубицы.

Донося Главнокомандующему о новом успехе, я телеграфировал: «Доношу о новом блестящем успехе доблестных частей вверенной мне армии: 21-го после двухдневного боя корпус генерала Покровского форсировал Есауловский Аксай, овладел укрепленной и заплетенной проволокой позицией противника, захватив орудия, пулеметы и много пленных. Неустанно развивая успех, генерал Покровский, пройдя за ночь с боем 30 верст, овладел хуторами Кумской (северный), Черноморов, Шибалин, захватив более 1000 пленных, орудия и пулеметы и обозы. Противник перед 1-м Кубанским корпусом на всем фронте отходит поспешно, преследуемый неотступно моей конницей. Генерал Улагай, имея перед собой сильно укрепленную позицию и крупную артиллерию, до сего времени переправил на северный берег Есауловского Аксая лишь одну бригаду. Сейчас из общего резерва выдвигаю Улагаю пластунов и всю гаубичную артиллерию с приказанием форсировать реку во что бы то ни стало. Генералу Покровскому приказал, развивая успех, выйти на железную дорогу Лихая – Царицын, часть сил выделить для действия в тыл противника, оказывающего сопротивление 2-му Кубанскому корпусу. С 4-м конным корпусом двигаюсь следом за 1-м и 2-м Кубанскими корпусами. Неиспользование полностью успеха считаю преступлением. То, что может ныне быть достигнуто ценою малой крови, в будущем потребует громадных жертв. Для использования успеха одной доблести мало, конница может делать чудеса, но прорывать проволочные заграждения не может. Достижение конечной цели без присылки мне пехоты, тяжелой и легкой артиллерии, выдвижения в неограниченном количестве огнестрельных припасов и средств связи, главным образом автомобилей, без которых не в состоянии управлять армией, – сегодняшний день обратится в Пиррову победу. Котельниково, 22 мая, 10 часов 10 минут. Нр 0783. Врангель».

Путь до Сала был наконец исправлен, и поезд мой удалось продвинуть до самой переправы. Большой железнодорожный мост через Сал был взорван, и для починки его требовалось не менее 2-21/2 недель; между тем по мере продвижения армии вперед подвоз и эвакуация раненых делались все затруднительнее. Однажды ко мне явился молодой офицер-артиллерист полковник Ильинский, предложивший мне устроить подвоз по железной дороге с помощью конной тяги. Весь подвижной состав был красными угнан, но на некоторых станциях и разъездах имелись отдельные платформы. Назначив в распоряжение Ильинского несколько казаков моего конвоя и предоставив ему пленных красноармейцев и обоз-

ных лошадей, я поручил ему наладить подвоз конной тягой к северу от станции Ремонтная. Ильинский блестяще справился с задачей, и вскоре подвоз наладился. До реки Сала артиллерийские и интендантские запасы доставлялись поездом. Грузовиками по наведенному понтонному мосту перевозились на правый берег реки, где и перегружались на платформы, следовавшие дальше на север конной тягой.

Оставив поезд у реки Сала, я автомобилем в сопровождении полковника Кусонского, начальника оперативного отделения полковника фон Лампе и одного офицера службы связи выехал в Котельниково. На всем пятидесятиверстном пути мы не встретили ни одного жилья. Безлюдная, покрытая ковылем, местами солончаковая степь была совершенно пустынна. Красные кирпичные маленькие здания полустанков одиноко стояли в степи. За весь путь мы встретили лишь медленно тянувшийся, запряженный верблюдами армянской транспорт с ранеными. Убийственно медленно тянулись сотни верст скрипучие арбы; укрывши головы от палящего зноя, лежали несчастные страдальцы.

В Котельниково находился штаб генерала Шатилова. По аппарату генерал Юзефович сообщил мне, что все просьбы его о присылке пехоты оставляются Ставкой без ответа; ныне генерал Романовский запрашивает его, какие части конницы мог бы я выдвинуть на добровольческий фронт взамен пластунов в случае присылки их мне. Я поручил генералу Юзефовичу вызвать генерала Романовского к аппарату, детально осветить ему обстановку и вновь настаивать на выполнении данного мне Главнокомандующим обещания: присылки пластунов и усиления меня артиллерией, без чего я не мог рассчитывать на успех. Со своей стороны, я телеграфировал начальнику штаба Главнокомандующего:

«Я прибыл сюда в момент, когда наше наступление начало захлебываться. Утомление людей и лошадей чрезвычайное, вследствие растяжки при непрерывном двенадцатидневном преследовании и значительных потерь. Боевой состав частей ничтожен. Во всем 2-м Кубанском корпусе около 1500 шашек. В остальных корпусах немногим лучше. 6-й пехотной дивизии нет. Десять дней части не получают хлеба. Местных средств нет, противник, уходя, все уничтожает. По мере продвижения к Царицыну сопротивление противника увеличивается – красные цепляются за каждый рубеж. Сегодня у противника обнаружена тяжелая 42-линейная батарея. Позиции у Челеково и хутора Жутов укреплены и прикрыты проволокой. По данным разведки, Царицын сильно укреплен. По овладении армией рубежа Есауловского Аксая корпусам приказано закрепить его и наладить тыл, без чего дальнейшее движение невозможно. Необходимо напрячь все силы для оборудования тыла¹³. Что касается сил и средств, необходимых для нанесения решительного удара, то не только я ничего не могу отсюда передать на другой фронт, но, доколе не получу всего, что требуется, не двинусь вперед ни на один шаг, несмотря на приказания».

Генерал Юзефович говорил с начальником штаба главнокомандующего и определенного ответа не добился. Последний обещал доложить Главнокомандующему и переговорить с генералом Май-Маевским.

21 мая генерал Романовский телеграфировал генералу Юзефовичу: «Из моего разговора с командармдобр выяснилось, что 7-я дивизия из-за отсутствия обозов не боеспособна и не может быть выдвинута на фронт. Поэтому Главком не находит возможным передать в Вашу армию пластунскую бригаду, составляющую половину всей пехоты Добрармии, впредь до окончания формирования 7-й дивизии. Стрелковый полк 1-й конной дивизии и часть танков Вам будут переданы. Екатеринодар, 21 мая. Нр 07607. Романовский».

¹³ Ходатайства мои о сформировании при армии управления заведующего передвижением войск, с подчинением ему этапно-транспортной и автомобильной части, Ставка оставляла без ответа.

7-я пехотная дивизия формировалась в районе Ростова из частей, отошедших после занятия красными Одессы в Румынию и оттуда перевезенных в Новороссийск и Ростов. Части эти отступлением от Одессы и тяжелыми условиями интернирования в Румынии были совершенно расстроены, и на быстрое приведение их в боеспособность рассчитывать было трудно. 1-й стрелковый полк после тяжелых боев в Дагестане насчитывал всего несколько сот штыков и впредь до укомплектования боевой силы не представлял. Таким образом, обещанная мне Главнокомандующим присылка пехоты, на чем я строил расчет всей операции, не осуществлялась. Что касается танков, то обещание их прислать практического значения не имело. Мост через Сал мог быть готов не ранее как через две недели, и подвезти танки к фронту было невозможно.

Между тем части 1-го корпуса под давлением превосходных сил противника вынуждены были отойти к переправам. Дабы подтолкнуть истомленные части, я решил использовать свой резерв и приказал генералу Шатилову поддержать части генерала Улагая. Донося об этом Главнокомандующему, я телеграфировал:

«Вчера я отдал директиву, невзирая ни на какие трудности, продолжать наступление. Дабы подтолкнуть истомленную непрерывным двухнедельным преследованием, бескормицей и отсутствием водопоя конницу и полностью использовать успех, я бросил весь мой резерв. Сделано все, чтобы на плечах врага достигнуть конечной цели, но ежели бы, учитывая значение Царицына, противнику удалось перебросить к нему свежие силы, рассчитывать на закрепление за нами достигнутых успехов не могу. То, что достигнуто, сделано ценой большой крови, и в дальнейшем источник ее иссякнет. Нельзя рассчитывать на безграмотность противника и пренебрежение им значения Царицына. Царицын мы должны взять, но, взяв, иметь средства удержать. В полной мере учитываю важность успеха, достигнутого на других фронтах армии и желательность его развития, но убежденно заявляю, что ежели Царицынская операция будет сорвана, то к нулю рано или поздно будут сведены и успехи других армий. Первого июня железнодорожное сообщение через Сал будет восстановлено – к этому дню на головном участке железной дороги должны быть сосредоточены свежие силы для переброски с целью закрепления достигнутых успехов. 8 мая в Великокняжеской Вы обещали мне присылку достаточного количества вполне надежной пехоты и артиллерии. В надежде на это я строю расчет своей операции. За всю операцию на Северном Кавказе я не просил Вас ни одного человека, сейчас решаюсь на это в полном сознании необходимости. Считаю долгом совести донести Вам все вышеизложенное. Котельниково, 24 мая 1919 года, 16 часов. Нр 0820. Врангель».

24 мая утром части армии атаковали противника на укрепленной линии Есауловский Аксай. Корпуса форсировали реку на участке хутор Жутов – Дураков, сбили противника с укрепленной позиции и угрозой охвата справа и слева заставили стремительно отходить. Красные не успели даже испортить железнодорожный мост через реку Аксай. Неотступно преследуя противника, части 2-го корпуса генерала Улагая к вечеру 24 мая овладели станцией Гнилоаксайской; в то же время части 4-го генерала Шатилова и 1-го генерала Покровского корпусов, пройдя за день с боем свыше 20 верст, подошли к реке Мышкова, причем 4-й корпус занял деревню Ивановку.

В боях 20–24 мая части армии, особенно же 1-й корпус, понесли тяжкие потери как в казаках, так и в командном составе. Между прочими начальниками ранен был тяжело в голову доблестный генерал Бабиев; полковник Ткачев, лично производя воздушную разведку, был ранен ружейной пулей в руку.

Между тем 1-й Кубанский корпус, развивая дальнейшее наступление свое 2-й Терской дивизией, войдя в связь с донцами после весьма упорного боя, во время которого терцы пять раз ходили в атаку против красных коммунистов, занял при поддержке донцов железнодорожный мост через реку Дон у хутора Рычкова. Противник отошел к станции Ляпичево. К 27

мая части подошли к укрепленной позиции противника по реке Царина. Я назначил общую атаку на рассвете 27-го числа.

С тех пор, как бывший в моем резерве 4-й конный корпус вошел в общую линию боевого порядка, я непосредственно управлял войсками, следуя верхом при 4-м корпусе. В ночь на 27-е перед атакой армия ночевала в поле. Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом.

Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко на заставе стучали выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов и вожди армий сами водили войска в бой.

На рассвете части армии дружно атаковали позицию красных. 3-я Кубанская дивизия во главе с храбрым генералом Павличенко прорвала фронт противника. 2-й Кубанский корпус, преследуя врага по пятам, занял станцию Тингуту. По мере приближения к Царицыну противник оказывал все большее ожесточенное сопротивление. В Царицын лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой X армии. Сюда была стянута почти вся XI армия с астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16 городов Центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко из 8 полков подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца. Суда и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находилось несколько бронепоездов. В бою на реке Царице части вновь понесли тяжкие потери. Однако близость Царицына, сулившего отдых после тяжелого и продолжительного похода, вселяла в войска силы, и они с неудержимым порывом шли вперед. 29 мая 2-й и 4-й корпуса подошли к реке Червленной, с боем форсировали ее и сбили державшегося на северном берегу противника. В то же время 1-й корпус после упорного боя овладел станцией Кривоизуминской, захватив здесь около 2000 пленных.

Обещание мое генералу Деникину было выполнено. Неотступно преследуя противника, моя конница в самых тяжелых условиях пересекла безлюдную и безводную калмыцкую степь, преодолела ряд укрепленных и отчаянно оборонявшихся противником рубежей и подошла к Царицыну, «Красному Вердену», как именовали его большевики, пройдя около 300 верст, в назначенный мною Главнокомандующему трехнедельный срок. Намечая этот срок, я правильно учел обстановку. В то же время обещание Главнокомандующего дать мне необходимые для успешного завершения операции силы и средства исполнено не было. Развивавшиеся успехи на Харьковском направлении поглощали все внимание Главнокомандующего, и Царицынское направление в глазах генерала Деникина стало второстепенным.

Наша разведка установила, что укрепленная противником Царицынская позиция несколькими линиями опоясывает город. Окопы были усилены проволочными заграждениями в 4–5 колов. Сильная артиллерия надежно защищала подступы.

29-го вечером я пригласил командиров 2-го и 4-го корпусов на военное совещание. Я ознакомил их с общим положением и сообщил о выяснившейся невозможности в ближайшее время рассчитывать на присылку обещанных Главнокомандующим в предвидении операции по овладению Царицыном подкреплений. Я предложил им высказать мнения, следует ли нам, не дожидаясь подхода пехоты, открытой атакой овладеть городом или, закрепившись на реке Царице, выжидать подхода пехоты и технических средств. Рассчитывать на успех атаки в настоящих условиях было трудно, с другой стороны к Царицыну непрерывно подходили свежие части красных. Противник лихорадочно продолжал работу по укреплению позиций, и в дальнейшем атака города могла представить еще большие трудности. В войсках, видевших в Царицыне после тяжелого похода в пустыне обетованную землю, отказ от наступления вызвал бы, несомненно, упадок духа. Наконец, противник, усилившись, мог

сам перейти в наступление и отбросить нас от Волги в пустынную степь. Несмотря на все трудности, на совещании было решено наступление продолжать.

29 мая войскам армии был отдан приказ: а) 2-му Кубанскому корпусу генерала Улагая наступать на фронт Царицын – Воропоново и овладеть Царицыном с юга; б) 4-му конному корпусу генерала Шатилова, сосредоточив главную массу своих сил на левом фланге, наступать на фронт Воропоново – Гумрак и овладеть Царицыном с запада; в) 1-му корпусу генерала Покровского наступать вдоль железной дороги Лихая – Царицын и по овладении станцией Карповка составить армейский резерв, направив одну бригаду в район станции Котлубань – хутор Грачевский с целью отрезать противнику пути отхода на северо-запад.

Преодолевая упорное сопротивление противника после ряда жестоких боев, генерал Улагай занял Теплые воды, подойдя на десять верст к городу; корпус генерала Шатилова достиг реки Ягодной; корпус генерала Покровского овладел станцией Карповка.

Наличие у противника сильной судовой артиллерии при отсутствии у нас дальнобойных орудий чрезвычайно затрудняло действия частей генерала Улагая. Последний доносил, что, по его мнению, трудно рассчитывать на успех атаки города с юга, и, со своей стороны, предлагал часть своих сил передать в распоряжение генерала Шатилова для нанесения решительного удара с запада. Последнее направление представляло и тактические выгоды, создавая угрозу путям отхода красных. Я принял предложенное генералом Улагая решение. Атака была намечена на рассвете 1 июня.

В ночь с 31 мая на 1 июня была произведена необходимая перегруппировка. В руках генерала Шатилова были объединены: 4-й конный корпус, 2-я Кубанская дивизия, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-я пластунская бригада. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка – Варваровка.

Вечером 31 мая был получен подписанный накануне Главнокомандующим приказ о подчинении его адмиралу Колчаку. Принятое Главнокомандующим решение я горячо приветствовал. Объединение всех борющихся против общего врага русских сил, несомненно, усиливало наше положение и значение нашего дела в глазах мира. Генерал Деникин, подчинившись адмиралу Колчаку в дни блестящих успехов своих войск, давал пример гражданского долга. По форме я находил приказ неудачным. Упоминание о том, что «в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России», имевшее, очевидно, в виду «самостийные группы казачества», должно было произвести на войска, далекие от политики и мало осведомленные о борьбе главного командования с этими группами, неблагоприятное впечатление. Неудачна была и фраза о том, что генерал Деникин, «отдавая свою жизнь горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье», подчиняется адмиралу Колчаку. Добровольное подчинение в интересах Родины не только не требовало «отдать жизнь», но и не должно было быть жертвой для честного сына Отечества...

1 июня, едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа стремительно атаковала позиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая далее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенская. Противник при поддержке могущественной артиллерии и бронепоездов оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже, по линии: станция Ельшанка – село Ельшанка – станция Садовая – станция Гумрак. Ночью было получено донесение, что разведкой частей генерала Покровского в районе хутора Вертячий – станица Качалинская обнаружено сосредоточение значительных неприятельских сил.

С утра 2 июня бой снова разгорелся. Ударная группа генерала Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти. Потери ударной группы за последние два дня боя были свыше тысячи человек, утомление людей и лошадей было чрезвычайное. Артиллерийские снаряды были совершенно на исходе. Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце вынужден я был предположенную в ночь со 2-го на 3-е атаку отменить¹⁴. Я телеграфировал Главнокомандующему:

«После трехнедельного тяжелого похода, ведя непрерывные бои, армия подошла к Царицыну. Двухдневные кровопролитные атаки разбились о технику, сильнейшую артиллерию и подавляющую численность врага. Учитывая значение Царицына, противник продолжает подвозить подкрепления. Честно смотря в глаза истине, вижу, что без мощной пехоты, артиллерии и технических средств взять Царицын не могу. Должен допустить мысль, что переход противника в наступление приведет к потере обескровленной армией части захваченного пространства. Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков. 2 июня, будка № 4 у Воропоново. Нр 01047. Врангель».

4 июня красные, сосредоточив ударную группу против фронта 4-го корпуса, при поддержке сильной артиллерии сами перешли в наступление в направлении на Воропоново. Главный удар врага обрушился на пластунов, которые, невзирая на мужественное сопротивление, были оттеснены. Одновременно противник вел сильное наступление и против других частей армии. Воздушная и войсковая разведки устанавливали ежедневный подход свежих неприятельских сил. Ввиду сложившейся обстановки я решил оттянуть войска к линии рек Червленая и Карповка, упираясь правым флангом в Сарепту, и здесь ожидать подхода подкреплений.

Мост через Сал был исправлен, и поезд мой получил возможность продвинуться на север.

Неудача нашей атаки под Царицыном тяжелым камнем легла мне на сердце. Я негодовал на Ставку, сорвавшую весь успех, не выполнив данного мне обещания своевременно усилить меня пехотой, артиллерией и техническими средствами, что клал я в основу всей операции. Бесконечно жаль было напрасно понесенных жертв. Под влиянием этих чувств написал я немедленно по окончании операции, находясь в хуторе Верхне-Царицынском, письмо генералу Деникину, в коем излил всю горечь своих переживаний. Я упоминал о том, что невыполнение данного мне Главнокомандующим обещания, на каком-то строил я свой план действий, лишает меня возможности и на будущее время принимать ответственные решения, не будучи уверенным, что последние не будут сорваны распоряжениями свыше. При этих

¹⁴ 2 июня полковник Кусонский телеграфировал генерал-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего: «Армия продолжает упорный бой под Царицыном. Колонна генерала Савельева продвинулась до Каменного Яра, перенесла штаб в хутора южнее Райгорода. На Волге нашей артиллерией подбит пароход красных, выбросившийся на берег и выкинувший белый флаг. Части генерала Улага, несмотря на фланговый огонь броневиков и барж с Волги, овладели Отрадным, Бекетовской и Марчиновым. Части 4-го корпуса, овладев станцией Воропоново и селом Червленноразное, атаковали позиции противника, получившего значительное подкрепление с Восточного фронта на линии Гумрак – высота 467 к востоку от Воропонова, но вследствие ураганного огня артиллерии и бронепоездов противника атака пластунов и конницы успеха не имела. Ударная группа несет громадные потери. За последние два дня выбыло из строя свыше 1000 бойцов. Части утомлены до крайности. Выбыл из строя начдив 2-й Кубанской дивизии и командир Осетинского полка ранен, командир Кабардинского полка убит. Предположенную нами с 2 на 3 июня атаку, вследствие полного изнеможения пехоты и конского состава, а также почти полного израсходования огнеприпасов, командарм был вынужден отменить. На фронте 1-го Кубанского корпуса, занявшего вчера хутора Бабуркин и Алексеевский, противник, сосредоточивший свои подкрепления в Разсошинском (Адрианов) в районе Вертячего, перешел в наступление, но был отброшен. 2 июня 23 часа. Будка № 4. Воропоново, 0957. Кусонский».

условиях я не считал возможным нести лежащую на мне перед войсками ответственность и просил по завершении Царицынской операции освободить меня от должности командующего армией. Для вручения письма Главнокомандующему я командировал полковника фон Лампе. Последний был ознакомлен с содержанием письма.

Проезжая через станцию Котельниково, где находился штаб армии, полковник фон Лампе являлся генералу Юзефовичу. Последний, узнав о командировке полковника фон Лампе, решил его задержать. Однако тот доложил, что имеет от меня приказание безостановочно ехать в Екатеринодар. Генерал Юзефович приказал полковнику фон Лампе по прибытии в Екатеринодар ожидать от него телеграммы, до получения которой письма генералу Деникину не передавать. Сам генерал Юзефович выехал мне навстречу в Абганерово. Он горячо стал упрашивать меня взять мое решение обратно. Полковник Кусонский присоединился к нему.

4 июня генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего вызвал генерала Юзефовича к аппарату и передал ему, что по получении моей телеграммы от 2 июня Главнокомандующий отдал приказание спешно направить ко мне закончившую формирование 7-ю пехотную дивизию в составе двух полков и пяти батарей; 3 бронепоезда, вооруженные тяжелой артиллерией, и, наконец, шесть танков. Ходатайства мои о сформировании управления начальника военных сообщений также были удовлетворены. Начальником военных сообщений был назначен генерал Махров. Лишь после полученного кровавого урока Ставка спохватилась. Я уступил настояниям своих ближайших помощников и приказал телеграммой полковнику фон Лампе письма не вручать.

На фронте Донской и Добровольческой армии наши части безостановочно двигались вперед. Донцы генерала Мамонтова овладели станицей Усть-Медведицкой и двигались далее к железной дороге Поворино – Царицын. Добровольцы взяли Лозовую и Чаплино. На астраханском направлении удачно продвигались части генерала Эрдели. В Екатеринодаре и Ростове было общее ликование. Вместе с тем от генерала Юзефовича узнал я и много грустного. По его словам, штаб генерала Май-Маевского во главе с ним самим вел себя в Ростове самым непопулярным образом. Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот. Тыл был по-прежнему не организован. Войсковые начальники, не исключая самых младших, являлись в своих районах полновластными сатрапами. Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением. Как я уже говорил, трудно было первое время в условиях настоящей борьбы требовать от войск соблюдения обычаев войны. В течение долгих месяцев армия жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро. Этот стимул несомненно приходилось учитывать. В приказе моем к войскам, говоря о накопленном противником несметном добре в Царицыне, я сам это учитывал. Однако рядом неуклонно проводимых мер я стремился постепенно привить частям моим чувство законности. В этом отношении я имел верных помощников в лице командиров корпусов – генералов Улагая и Шатилова. Генерал Покровский, и тот, умный и с большой выдержкой, считаясь с моими требованиями, поддерживал теперь в своих войсках должный порядок. Захваченные на красных деньги делились между людьми полков особыми полковыми комиссиями. Часть денег отчислялась в артельные суммы частей. Все же оружие, войсковое и интендантское имущество сдавалось полками и поступало в отдел снабжения армии. Я достиг полного уважения со стороны войск к частной собственности населения. Ежели этого удалось достичь с казаками, то с регулярными частями, в значительной мере пополненными интеллигентным элементом, с огромным процентом офицерского состава, это могло, казалось бы, быть достигнуто и того легче.

Подхода всех обещанных подкреплений я мог ожидать только около 15-го. До этого времени я решил возвратиться в Котельниково. Предстояло немало работы, необходимо было прочно наладить тыл и обстоятельно подготовиться к предстоящей серьезной операции. В Котельниково приехал ко мне по поручению атамана походный атаман Кубанского войска генерал Науменко. Науменко горько жаловался мне на несправедливость главного командования к Кубанским казакам, на незаслуженное и обидное, по сравнению с донцами, к ним отношение. Вновь всплыл вопрос о создании Кубанской армии. Я мог лишь повторить то, что говорил в Екатеринодаре и Ростове.

Генерал Науменко сообщил мне, что Главнокомандующий и генерал Романовский мною очень недовольны – мне ставилась в вину резкость моих телеграмм. Генерал Романовский говорил генералу Науменко, что тон этих телеграмм совершенно недопустим, что «генерал Врангель не просит, а требует, почти приказывает». Ставил мне в вину генерал Романовский и то, что в недоразумениях кубанцев с главным командованием я не стал всецело на сторону последнего. Тем не менее я был доволен, что наконец добился получения обещанных подкреплений. Правда, взамен прекрасных пластунских частей я получал неизвестную мне 7-ю пехотную дивизию. Дивизия едва успела закончить формирование; некоторые части не имели обозов; состав частей был сборный; начальники новые. В разговоре по аппарату с генералом Юзефовичем сам генерал Романовский характеризовал дивизию как «неопределившуюся». Тем не менее, при почти полном отсутствии в армии пехоты, 7-я дивизия значительно усиливала армию, а прибытие тяжелой бронепоездной артиллерии и, главным образом, танков давало возможность бороться с позиционной и судовой артиллерией красных и преодолеть искусственные препятствия. Я, в бытность в Екатеринодаре, видел пробную работу танков с обученными английскими инструкторами русскими командами и тогда же оценил всю мощь этого средства позиционной борьбы.

12 июня пал Харьков. Донцы быстро продвигались на север.

В газетах был опубликован ряд приветствий, адресованных генералу Деникину старшими начальниками, в связи с решением его подчиниться адмиралу Колчаку. Я не считал удобным в порядке подчиненности выражать Главнокомандующему одобрение или порицание тому или иному решению его, имеющему государственно-политический характер. Однако, не желая, чтобы молчание мое было истолковано как несочувствие его решению, я написал генералу Деникину частное письмо, выражая глубокое уважение перед выполненным им гражданским долгом. В ответ я получил весьма любезную телеграмму Главнокомандующего.

13 июня в Ростове, где происходили заседания Южно-Русской конференции по созданию так называемой южно-русской власти, должествующей разрешить взаимоотношения главного командования с автономными казачьими правительствами, был убит один из наиболее ярких представителей Кубанских самостоятельных групп С.К. Рябовол. Убийцы успели скрыться. Часть прессы приписывала убийству политический характер.

9 июня начали прибывать первые эшелоны 7-й дивизии. Вид частей порадовал меня. Полки были отлично одеты в английскую форму хаки и металлические шлемы. Люди выправлены, в частях большой процент старых кадровых офицеров. Начальник дивизии генерал Бредов был чем-то задержан в Ростове, и во главе дивизии стоял полковник Непенин. Последний произвел на меня прекрасное впечатление. Следом за 7-й дивизией подошли танки. Сосредоточение подкреплений происходило крайне медленно, дорога пропускала лишь шесть пар поездов в сутки.

Могучее средство позиционной борьбы, тяжелая артиллерия бронепоездов и особенно танки, тесно связанные в своих действиях с железной дорогой, приковывали армию к последней. Эти причины, несмотря на тактические невыгоды атаки Царицынской укрепленной позиции с юга, заставили меня искать решения именно с этой стороны. Я решил, обна-

жив почти совершенно свой центр на протяжении около 25 верст, сосредоточить 3/4 своих сил на крайнем правом фланге и этим кулаком нанести удар вдоль Волги по левому крылу неприятеля. Левифланговый корпус армии должен был отрезать пути отступления противника на север. Днем 14 июня войска получили директиву:

«Группе генерала Улагая (2-й и 4-й корпуса), 7-я пехотная дивизия, дивизион танков, дивизион броневых автомобилей и 4 бронепоезда, прорвать фронт противника и, развивая наступление вдоль железной дороги Сарепта – Царицын, овладеть Царицыном с юга.

1-му Кубанскому корпусу, выделив часть сил для обеспечения маневра с севера, наступать в общем направлении на хутор Россошинский – Гумрак, дабы прижать противника к Волге и отрезать ему путь отхода на север.

Начало общего наступления с рассветом 16 июня».

К 10 июня, по данным разведки, противник имел под Царицыном 16 000 штыков, 5000 сабель, 119 орудий, 6 бронепоездов. На Волге стояла речная флотилия из 4 дивизионов, катеров и понтонов и 9 канонерок и миноносцев. 14 июня к Царицыну подошел переброшенный из Уфы через Саратов один из полков 2-й красной дивизии. В ближайшие дни ожидался подход остальных полков дивизии.

В ночь на 16 июня ударная группа генерала Улагая построила боевой порядок западнее железной дороги к югу от деревни Копани: в центре и впереди 4 танка с 3 броневыми автомобилями; непосредственно за ними пехота – 7-я дивизия и пластуны; в резерве два конных корпуса; на правом фланге 3 бронепоезда и 3-я Кубанская дивизия.

Едва стало светать, танки двинулись вперед и, давя проволочные заграждения, разошлись вправо и влево, расстреливая бросившуюся в панике бежать неприятельскую пехоту. Следом за танками стремительно двинулась пехота. Вслед за пехотой устремилась в прорыв кавалерия.

Противник бежал частью на Царицын, частью на Воропоново. Брошенная для спасения положения со стороны станции Басаргино в направлении на Червленноразное красная конница, поддержанная двумя бронепоездами, успеха не имела. Наша конница, поддержанная броневыми автомобилями, отбросила красных. Конница генерала Шатилова заняла станцию Воропоново. На правом фланге 3-я Кубанская дивизия при помощи бронепоездов овладела станцией и деревней Бекетовка и отбросила противника к станции Ельшанка.

Противник отошел на 2-ю и последнюю укрепленную позицию, расположенную по высотам южнее и юго-западнее Царицына, по линии станция Ельшанка – село Ельшанка – Крутенькая. В то время как развивался бой на фронте ударной группы генерала Улагая, корпус генерала Покровского, после артиллерийской подготовки, перешел в наступление в общем направлении на Котлубань, но успеха достичь не мог. В 3 часа дня генерал Покровский вновь атаковал красных, прорвал фронт и совершенно разгромил противника, взяв 5000 пленников и 8 орудий, выйдя на фронт Карповка – Бабуркин, одновременно конные части 1-го корпуса заняли хутор Вертячий. Около 5 часов вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и после ожесточенного боя овладели станцией и селом Ельшанкой и станцией Садовой. Успеху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшие войска противника. Неприятель отошел к самой окраине города.

К сожалению, генерал Улагай не воспользовался расстройством противника, чтобы на плечах его ворваться в город, и с темнотой наступление приостановил. За ночь противник успел оправиться и закрепиться. Я приказал на рассвете атаковать врага и во что бы то ни стало овладеть городом. Однако генерал Улагай все время ссылаясь на чрезмерное утомление людей и просил атаку отложить.

Наступил рассвет, противник продолжал лихорадочно укрепляться. Я на автомобиле лично проехал вперед, переговорил с генералом Улагаем и настоял на атаке. В пять часов вечера ударная группа снова двинулась в бой. 3-я Кубанская и 7-я пехотная дивизии при под-

держке бронепоездов после жестокой схватки прорвали наконец фронт красных и ворвались в город. Одновременно с атакой Царицына конница генерала Шатилова повела наступление на станцию Гумрак, овладела станцией и окончательно разгромила врага, пытавшегося здесь задержаться.

Разбитый на всех участках враг искал спасения в поспешном отступлении на север¹⁵.

19-го утром я прибыл в Царицын и прямо с вокзала проехал в собор. Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Престарелый епископ Дамиан за несколько дней до нашего прихода должен был бежать и скрывался где-то на окраине города. Служил настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время службы и он, и большинство присутствующих плакали. По окончании богослужения я вышел на площадь и обратился к населению, приветствуя граждан с их освобождением и обещая защиту и покровительство армии.

В тот же день вечером прибыл в Царицын Главнокомандующий. Приняв почетный караул, он пригласил меня и начальника штаба в вагон. Главнокомандующий благодарил нас и расспрашивал о подробностях дела.

– Ну что, как теперь настроение? Одно время было, кажется, неважным, – улыбаясь, спросил меня генерал Деникин.

– Так точно, ваше превосходительство, – нам было очень тяжело.

– Ничего, ничего, теперь отдохнете.

К приезду Главнокомандующего я с генералом Юзефовичем составили подробный доклад, предлагая дальнейший план действий. Впредь до завершения операции войск генерала Эрдели – овладение Астраханью и нижним плесом Волги, что дало бы возможность войти в реку нашей Каспийской флотилии – дальнейшее наступление на север при отсутствии меридиональных дорог и необеспеченности тыла армии представлялось трудновыполнимым.

Безостановочное, стремительное наступление Донской и Добровольческой армий при чрезвычайной растяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла представлялось опасным. Мы предлагали Главнокомандующему временно закрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын – Екатеринослав и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении, с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3–4 корпуса. В дальнейшем действовать конной массой по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл красным армиям. Одновременно организовывать тыл, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить в тылу укрепленные узлы сопротивления. Все эти соображения мы изложили каждый в отдельном рапорте, которые и вручили Главнокомандующему. Генерал Деникин, выслушав нас и принимая от нас рапорты, усмехнулся:

– Ну конечно, первыми хотите попасть в Москву.

Отпуская нас, Главнокомандующий сказал, что завтра будет иметь случай с нами поговорить.

На следующее утро генерал Деникин присутствовал на торжественном богослужении и принял парад войскам. После парада он пригласил меня и генерала Юзефовича в вагон и здесь, в присутствии генерала Романовского, прочел нам свою директиву:

¹⁵ Кроме большого количества пленных, орудий и пулеметов мы захватили 2 красных бронепоезда «Ленин» и «Троцкий», 131 паровоз и около 10 000 вагонов, из них 165 классных и 2085 груженых артиллерийскими и интендантскими грузами.

«Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России – Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов – Ртищево – Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряд для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину – правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин – Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав – Брянск.

4. Генералу Добrorольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжелникову¹⁶ и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжелникова и Добrorольского и блокировать порт Одессу.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией – прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями – Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями – Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира – все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3-м корпусом – Северная граница Таврической губернии – Александровск.

8. Железная дорога Царицын – Поворино – Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

9. О получении донести.

Царицын, 20 июня 1919 года. Нр. 08878.

Генерал-Лейтенант Деникин. Начальник штаба генерал-лейтенант Романовский».

Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр – все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву.

Прослушав директиву, мы с генералом Юзефовичем буквально остолбенели. Сам генерал Деникин был «Московской директивой», видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил:

– Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стовертную карту.

Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина.

Я доложил Главнокомандующему о том, что части мои после тяжелого трехсотверстного похода по пустыне и сорокадневных напряженных боев окончательно истомлены, и

¹⁶ Командующий войсками Черноморской области.

просил дать возможность армии хоть немного передохнуть. Главнокомандующий согласился:

– Конечно, ведь до выхода донцов к Камышину в вашем распоряжении будет, вероятно, недели две. Вам только следует не задерживать переправы тех частей, которые вы пошлете на левый берег.

Тут же Главнокомандующий отдал распоряжение о возвращении в Добровольческую армию 7-й пехотной дивизии и направлении туда 2-й Терской казачьей дивизии, Осетинского конного полка и пластунских Терских и Осетинского батальонов, взамен коих мне выслалась 2-я Кубанская пластунская бригада.

Наши части, преследуя разбитого противника, уже к вечеру 19 июня, сбив неприятеля с высот северного берега реки Пичуга, овладели посадом Дубовка. Я приостановил дальнейшее преследование, выслав для сохранения связи с противником небольшие конные части. На левый берег Волги я наметил переправить 3-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Мамонова.

В тот же день генерал Деникин с чинами своего штаба обедал у меня. Во время обеда я провозгласил тост за здоровье Главнокомандующего. Генерал Деникин, отвечая мне, подчеркнул значение сегодняшнего дня:

– Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву.

Вечером Главнокомандующий выехал из Царицына в Харьков.

За выделением из состава моей армии 7-й пехотной дивизии, терцев и осетин, численность моих войск становилась весьма незначительной. Вследствие больших потерь и отсутствия свежих пополнений, боевой состав казачьих полков не превосходил 500–600 человек. Пластунские части были также малочисленны. 6-я пехотная дивизия, жестоко пострадавшая под Котельниково, была окончательно небоеспособна, отведена в глубокий тыл и, укомплектованная за счет пленных красноармейцев, только еще обучалась и приводилась в порядок. Несколько в лучшем положении находились артиллерия и технические войска, пополненные пленными и добровольцами.

Отсутствие на Кубани твердой власти и порядка на местах и непрекращающаяся политическая борьба давали возможность казакам уклоняться от выполнения воинского долга. Кубань перестала давать пополнения. Не только эвакуированные в тыл раненые, но и значительное число уволенных в отпуск и командировки казаков, пользуясь послаблением власти, уклонялись от возвращения в строй. Полевая рабочая страда особенно оттягивала казаков в тыл. Конский состав был сильно измотан; за непрерывными боями ковка совсем запущена; материальная часть, оружие и снаряжение были в самом плачевном состоянии. Все это требовалось привести в порядок.

В боевом отношении части не оставляли желать лучшего. Казаки дрались отлично. Ощущался лишь недостаток в опытных офицерах. Вследствие тяжелых потерь в офицерском составе кадровых офицеров почти не оставалось, большинство были произведенные за боевые отличия из простых казаков и зеленая молодежь. Состав командиров частей и старших начальников был подобран отлично. Между ними имелся целый ряд офицеров совершенно исключительной доблести, отлично разбиравшихся в обстановке: опытный, с большим военным кругозором, доблестный генерал Мамонов, совершенно исключительного порыва, отличные кавалерийские начальники генералы Бабиев и Павличенко; выдающийся кавалерийский начальник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней генерал Савельев.

В лице командиров корпусов я имел хороших помощников: генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбиравшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся личной храбростью и большой инициативой.

Генерал Улагай, с большим военным чутьем, высокой воинской доблести, пользующийся совершенно исключительным обаянием у своих подчиненных, был несомненно также выдающимся кавалерийским начальником. Полученные им несколько тяжелых ранений, в связи с прирожденной повышенной нервностью, отражались на его характере. Под влиянием тяжелой физической и моральной обстановки генералу Улагаю свойственно было подчас состояние полной апатии. Состояние это бывало чисто временное; стоило ему отдохнуть, как старый порыв к нему возвращался.

Генерал Покровский военным чутьем и боевым опытом, конечно, значительно уступал и генералу Шатилову, и генералу Улагаю. Его неоценимыми свойствами были совершенно исключительная, непоколебимая твердость духа, редкая настойчивость в достижении поставленной цели и громадная выдержка. Это был человек незаурядного ума, очень хороший организатор.

Мой ближайший помощник генерал Юзефович давно уже стремился в строй. Формировавшиеся полки регулярной конницы намечалось свести в кавалерийский корпус, с присвоением ему наименования 5-го. Главнокомандующий предложил генералу Юзефовичу должность командира корпуса. Последний изъявил согласие. Потеря генерала Юзефовича была для меня очень чувствительна, однако я понимал его стремление идти в строй и не мог его отговаривать. Начальником штаба генерал Юзефович брал с собой генерала Кусонского, последний только согласно моему ходатайству был произведен в этот чин. Я предложил должность начальника штаба армии генералу Шатилову. Последний долго отказывался, но наконец уступил моим настойчивым просьбам. На должность генерал-квартирмейстера генерал Шатилов рекомендовал мне генерала Зигеля. Выбор этот впоследствии оказался весьма удачным. Командиром 4-го конного корпуса я просил Главнокомандующего назначить генерала Топоркова, который и был в этой должности утвержден.

В Поволжье

21 июня 3-я Кубанская дивизия переправилась через Волгу и уже на следующий день своими головными частями заняла село Средне-Ахтубинское, где была встречена населением колокольным звоном. 22 июня я получил телеграмму генерала Романовского:

«Имея в виду окончательно ликвидировать остатки разгромленной Вами X советской армии, дабы не дать возможности ей оправиться, и принимая во внимание невозможность выполнения этой задачи одними частями корпуса генерала Мамонтова, сильно переутомленными непрерывными боями и большими переходами, Главнокомандующий приказал теперь же частью сил Кавказской армии продолжать преследование красных. Что касается частей, подлежащих передаче в Добрармию, последние должны быть теперь же направлены в районы по указанию генерала Май-Маевского. Харьков 22/VI 3 часа 08911. Романовский».

Основываясь на данном мне Главнокомандующим 20 июня обещании предоставить армии возможность отдохнуть, я отдал целый ряд соответствующих распоряжений командирам корпусов, начальнику снабжения и прочим. Теперь все приходилось отменять. Я решил продолжать преследование главных сил красных, отходящих по Саратовскому тракту вдоль Волги, наиболее свежим 1-м Кубанским корпусом, оставив 2-й и 4-й в моем резерве эшелонированными вглубь. Продолжая преследование врага, 1-й Кубанский корпус овладел 22 июня поселком Балыклея и, не давая противнику задерживаться, стремительно продолжал гнать его к Камышину. Однако 24 июня на линии остров Большой – Варкин корпус неожиданно встретил упорное сопротивление красных.

Потерпев поражение у Царицына, противник лихорадочно стал сосредоточивать к Камышину подкрепление для своей разбитой армии, сняв для этой цели даже несколько дивизий с Сибирского фронта, где за последнее время красные одержали некоторые успехи над армиями адмирала Колчака. Эти подкрепления, приняв на себя отступающие части противника, 24 июня стали на пути нашего наступления, преградив подход к Камышину. Противник, заняв сильную позицию, успел сосредоточить значительную массу артиллерии, опираясь, кроме того, на могучую огневую поддержку Волжской флотилии. Фронтальная атака Варкинской позиции успеха не имела. Не имела успеха и атака обходной колонны 1-го корпуса, двинутой в направлении на Щепкин.

Предпринятые в последующие дни также безуспешные атаки с фронта и фланга укрепленной красными позиции выяснили невозможность овладеть Камышином силами одного лишь 1-го корпуса. Я решил выдвинуть на поддержку генерала Покровского 4-й корпус.

27 июня армии была дана директива:

«а) 1-му Кубанскому корпусу генерала Покровского, протянув свой левый фланг до реки Иловли, временно – до выхода 4-го конного корпуса на указанную ему линию – перейти к активной обороне;

б) 4-му корпусу (1-я конная и Сводно-горская дивизии) под командой генерала Успенского¹⁷, выйдя через деревни Грязная – Зензеватка к реке Иловля, развернуться между этой последней и рекой Медведицей, на фронте Гусевка – Даниловка, имея задачей в дальнейшем наступлении выйти на фронт Камышин – Красный Яр;

в) 2-му Кубанскому корпусу (2-я Кубанская дивизия и 9-й пластунский батальон), под командой генерала Говорущенко, оставаясь в резерве командующего армией, перейти в район Дубовки».

¹⁷ Генерал Топорков еще не прибыл из Добровольческой армии.

Продвижение армии вперед при отсутствии меридиональных железных дорог в тылу армии чрезвычайно затрудняло снабжение. Для подвоза мы могли пользоваться лишь рекой Волгой. Для обеспечения движения нашей транспортной флотилии на восточный берег реки был выделен небольшой отряд 1-го Кубанского корпуса, который по переправе через Волгу 28 июня занял Балыклейские хутора.

Все эти дни мне пришлось работать не покладая рук; помимо оперативных распоряжений у меня был целый ряд забот по гражданскому управлению части освобожденных Саратовской и Астраханской губерний. Под рукой не было никакого организованного аппарата. За продолжительное владычество красных была уничтожена подавляющая часть местных интеллигентных сил, все приходилось создавать сызнова. Исправляющим должность саратовского губернатора был назначен полковник Лачинов, бывший кавалергард, затем адъютант наместника Кавказа, одно время помощник военного губернатора Батумской области. Сообщая мне об этом назначении, генерал Деникин упомянул, что имел в виду сделать мне приятное, так как знает о близких моих с Лачиновым отношениях. Видимо, кто-то из лиц, выдвигавших Лачинова, ввел Главнокомандующего в заблуждение. Я знал Лачинова лишь по непродолжительной совместной службе в одной бригаде молодыми офицерами. Он прибыл с несколькими лицами своего управления в Царицын на следующий день после отъезда Главнокомандующего. Как показало дальнейшее, он оказался не в состоянии справиться со своим делом. Астраханским губернатором был назначен Б.Е. Крыштафович, по прежней своей службе хорошо знавший Астраханское войско. Подведомственная ему область пока ограничивалась лишь частью Черноярского уезда. В Царицын прибыл и астраханский атаман Ляхов, честный и скромный человек. По приглашению его я посетил станицу Верхнецарицынскую, первой из астраханских станиц освобожденную от красного ига. Станичный сбор поднес мне звание почетного казака.

Город Царицын, «Красный Верден», как называли его большевики, оказался в ужасном состоянии. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало. Зимой в городе свирепствовали страшные эпидемии, смертность была огромна, умерших не успевали хоронить, трупы сваливались в овраге у городской тюрьмы. По словам жителей, в овраге свалено было до 12 000 трупов. С весной трупы стали разлагаться, зловоние стояло на несколько верст кругом. Я отдал распоряжение сформировать рабочие команды из пленных и засыпать овраг. Работа длилась целую неделю. Улицы города представляли собой свалочное место. Одних конских трупов было вывезено из города и пригородов более 400. Уже через несколько дней по нашем приходе город стал оживать. Улицы наполнились народом. С левого берега Волги понавезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали в цене. Постепенно стали открываться магазины.

Первые дни не было отбоя от посетителей. Большинство обращалось с просьбами неисполнимыми. Были разные случаи. Какая-то дама настойчиво требовала от меня дать ей развод. Однажды доложили мне о том, что меня желает видеть отставной генерал от кавалерии Эйхгольц. Вошел крупный красивый старик в штатском костюме.

– Ваше превосходительство, я знаю, как вы заняты, и не смею отнимать от вас времени. Я генерал Эйхгольц. В молодости служил ординарцем при Михаиле Дмитриевиче Скобелеве. По смерти последнего его сестра княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская передала мне академический знак покойного. Я хранил его как святыню. Большевики окончательно ограбили меня, однако знак мне удалось сохранить. Сам я уже одной ногой в могиле. Я хотел бы, чтобы этот дорогой мне знак украшал грудь, его достойную. Прошу вас не отказать его принять.

Он передал мне серебряный академический знак.

Я благодарил и спросил, не могу ли быть чем-нибудь полезен.

– Благодарю вас, я в настоящее время устроился и зарабатываю уроками достаточно для своего пропитания. Я привык служить, работая полным паром, теперь это особенно необходимо, однако здоровье и лета мне так работать уже не позволяют, а обременять собою армию я не хочу. Долг же свой перед родиной я выполнил, отправив в ряды армии трех сыновей. Двое из них уже погибли.

Генерал откланялся. Я был глубоко тронут его посещением.

29 июня, в Петров день, был у меня официальный обед для епископа, начальников губерний, представителей администрации и города. В тот же день вечером я выехал в Екатеринбург. Я хотел добиться присылки мне наконец Кубанских пополнений.

Главнокомандующий принял меня в присутствии генерала Романовского. Я доложил о ничтожном боевом составе полков, отсутствии необходимых пополнений, указал, что общая численность войск, входящих в состав армии, столь незначительна, что совершенно не оправдывает существование многочисленных штабов, и что если части не будут пополнены, то казалось бы необходимым свести некоторые из них вместе, расформировать ряд штабов и самую армию свести в корпус.

Главнокомандующий сослался на то, что «ничего не может поделать с казаками», что «самостийники помогать не хотят...». Присутствующий при разговоре генерал Романовский советовал мне самому «переговорить с казаками». Я довольно резко ответил, что мое дело командовать армией, вести же переговоры с казаками не входит в круг моей деятельности. Главнокомандующий, видимо желая прекратить разговор, предложил генералу Романовскому созвать совещание с участием моим, войскового и походного атаманов. Я просил генерала Деникина о замене полковника Лачинова более подходящим лицом. Главнокомандующий изъявил согласие, предложив мне переговорить с временно исправлявшим должность начальника управления внутренних дел А.И. Пильцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.